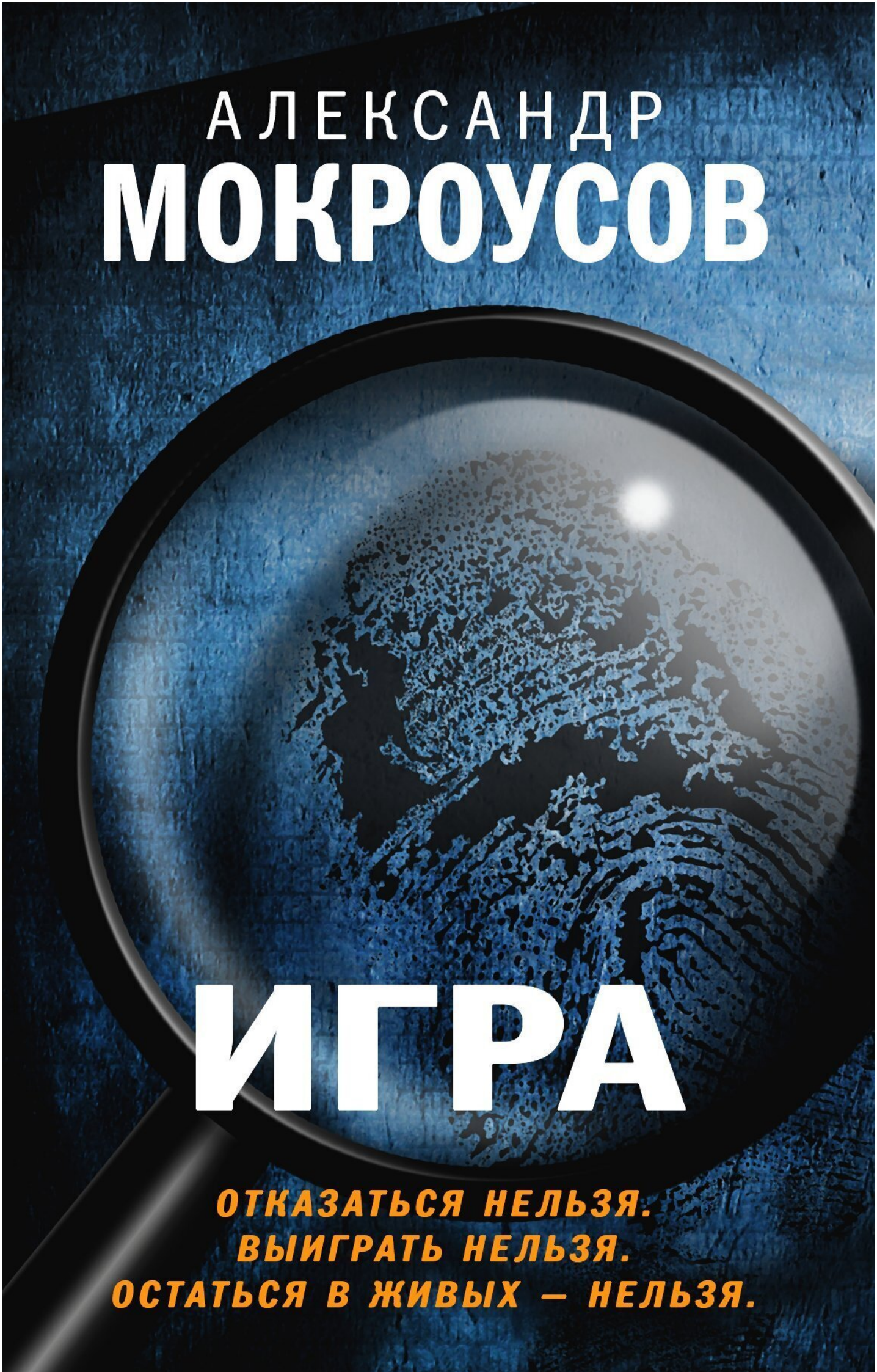
АЛЕКСАНДР
МОКРОУСОВ
ИГРА
ОТКАЗАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ.
ВЫИГРАТЬ НЕЛЬЗЯ.
ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ – НЕЛЬЗЯ.

Преступление в большом городе. Современный детектив

Александр Мокроусов

Игра

«Эксмо»

Мокроусов А.

Игра / А. Мокроусов — «Эксмо», — (Преступление в большом городе. Современный детектив)

ISBN 978-5-04-181310-9

Молодой бизнесмен Максим Романов получает приглашение принять участие в странной Игре. Его предупреждают, что в случае отказа его компания «Максим» будет ликвидирована. Приходится согласиться. Вместе с другими игроками Максима привозят в неизвестный городок. У всех на руках смарт-часы, через которые организаторы отправляют приказы и отслеживают местоположение. Ни денег, ни ценных вещей участники не имеют. Все средства к существованию они должны добывать самостоятельно. И вот, старт дан. Но что происходит? Почему начинают гибнуть игроки? Нескоро Максим начинает догадываться об истинной цели организаторов Игры... Тонкий психологический детектив с непредсказуемой развязкой; Детально прописанные персонажи и лихо закрученный сюжет; Образы героев настолько яркие и точные, что каждый читатель сможет найти среди них похожего на себя; Работа за границей и регулярное общение с иностранными коллегами научили автора понимать культуры других народов, дали ему огромный запас непридуманных историй и характеров.

ISBN 978-5-04-181310-9

© Мокроусов А.
© Эксмо

Содержание

Предисловие от главного героя 6
Предисловие от антигероя 7
Глава 1 8
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 30
Глава 7 35
Глава 8 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Александр Мокроусов
Игра

Все, что вы прочтете – является исключительно плодом фантазии автора. Любые совпадения с реальными именами, событиями и географическими местами – не более, чем случайность.

Предисловие от главного героя

Когда-нибудь, лет через тридцать-сорок, я стану старым. Мои внуки будут залезать ко мне на колени и просить рассказать им историю. Историю о том, как я заработал свой первый миллион. Как я построил самый успешный бизнес общественного питания в стране. Как я стал одним из богатейших людей России.

Это только издалека, если не быть со мной знакомым, можно подумать, что детям в том возрасте, когда они сидят на коленках у дедушки, такие рассказы не интересны. Если у дедушки хорошее чувство юмора, если он любит внуков и умеет рассказывать истории, детям такой рассказ очень понравится. Особенно, если сама жизнь, в духе Гая Ричи или Квентина Тарантино, подбрасывала дедушке такие повороты сюжетов, к которым ни одна, самая смело мыслящая бизнес школа, не могла бы подготовить.

У меня отличное чувство юмора, я великолепный рассказчик, у меня замечательная память.

Моя жизнь дарила мне столько ярких эпизодов, что их хватило бы на длинный, очень длинный сериал. Кстати, а ведь это замечательная идея. Когда я стану старым, я приглашу какого-нибудь модного режиссера, обязательно русского, не потому, что на Голливуд не хватит денег, а потому, что только российский режиссер сможет понять все мои приключения и передать их на экране. Это будет чертовски интересный сериал. Иногда смешной, иногда чуть грустный, но всегда очень напряженный. Разумеется, не все серии я разрешу смотреть своим внукам. Больше того, не про все свои приключения я расскажу режиссеру.

Иногда, даже в самом расцвете сил, я не то, что вел себя недостойно. Хотя, к черту словоблудие. Иногда, даже в самом результативном возрасте, когда можно и нужно сворачивать горы и завоевывать медали, когда остроумие становится исключительно острым благодаря интеллекту и опыту, когда кажется, что минута в «Что, где, когда» это целая вечность на такие простые вопросы… Иногда, именно в этом возрасте, я откровенно тупил. Было такое, что не один, и даже не два дня подряд я вел себя как кретин. Именно про такие эпизоды я никогда не расскажу своему режиссеру.

И именно про такой случай из моей жизни я расскажу вам.

Предисловие от антигероя

Выдержки из досье на участников Игры:

Роман Полий, 39 лет, продюсер, владелец «Гарсиа Рекордз». Состояние 1,7 млрд.

Наталья Кладас, 37 лет, владелица винной компании «Kladas Royal». Состояние 1,1 млрд.

Грикор Минокян, 42 года, владелец сети отелей «Grim Hotel». Состояние 0,9 млрд.

Максим Романов, 38 лет, владелец ГК «Максим». Состояние 1,7 млрд.

Ольга Андреева, 36 лет, конкурсный управляющий, кризисный менеджер. Состояние 0,8 млрд.

Сергей Топчин, 35 лет, создатель социальной сети «Рядом». Состояние 1,1 млрд.

Иван Архипов, 39 лет, первый заместитель министра. Состояние 1,0 млрд.

Светлана Трофимченко, 35 лет, легенда не требуется.

Глава 1

Номер один сидел в высоком полосатом кресле и лениво выпускал колечки дыма. Сигара уже практически истлела, осталось лишь пара дюймов, большой и указательный пальцы жгло при каждой затяжке, а дым стал горьким и очень горячим. Именно эта часть сигары доставляла максимум удовольствия номеру один. Иногда, он даже откладывал этот момент, оставлял недокуренную сигару, дожидался, когда она потухнет и прятал в бумажный почтовый конверт, чтобы на следующий день вновь ее раскурить. Когда-то друзья-студенты, вернее однокурсники, потому что друзей у него, разумеется, никогда не было, поддразнивали его. Предлагали дать сотню другую фунтов на сигары, раз уж номеру один не хватает, и он вынужден докуривать вчерашние. Но это в прошлом. Сейчас на земле, вероятно, уже не осталось людей, кто мог бы себе позволить подтрунить над ним. Никого, за исключением номера два.

Номер два сидел в таком же глубоком кресле с высокими подлокотниками, обтянутом итальянским жаккардом. Номер два не курил, но ему нравился запах кубинского табака, и он позволял товарищу курить в своем присутствии. Пожалуй, на земле не было второго человека, кто осмелился бы закурить в присутствии номера два.

– А теперь, достопочтимые сэры, перед вами выступит победительница международного конкурса скрипачей имени Йозефа Иохима. – Объявил седой, вытянутый старик чуть надтреснутым голосом с четко слышимой альвеолярной трелью.

– Я все время забываю у тебя спросить, – номер один сделал затяжку, взглянул на остаток сигары и, помедлив долю секунды, все же бросил ее в пепельницу, – семья твоего дворецкого служит в вашем лондонском доме уже шестое поколение. Так откуда у него шотландский акцент?

– Это традиция, – номер два сделал глоток виски и чуть скосил глаза на дымящийся столбик в пепельнице, – если он перестанет говорить с шотландским «ар», он нарушит традицию. Ты ведь тоже никогда не тушишь свои сигары? – полуутвердительно, полувопросительно произнес он.

– Положим, сигары я не тушу исключительно из практических соображений, если я ее раздавлю, она же чадить станет, а так она еще минуту поборется, потлеет, а потом, пепел уголек окончательно закроет от кислорода, и она потухнет. Это ведь даже интересно, вот смотришь на дымок и думаешь, может он последний, а через секунду нет, чуть сквозняк и вот уголек, в тщетной надежде, вновь разгорелся.

На взгляд номера два, номер один всегда был излишне философичен. Но его рассуждения никогда не переходили грань демагогии, оставаясь лаконичными как японский танку, в них часто было не два и даже не три дна, их можно было очищать слой за слоем, как лук или пучок салата.

Тем временем, на сцену вышла молодая женщина, не красавица, но милая, приподняла скрипку и замерла, ожидая сигнала от двоих слушателей, не осмеливаясь начать без приглашения и тем прервать беседу.

– Может, попросим леди сыграть концерт голой? – Номер два лениво окинул взглядом исполнительницу, задержавшись на глубоком декольте и стройных ножках.

– В русском языке есть более литературные слова, «обнаженная», или «нагая». Слово «голая» плохо ложится к нашей гостье.

Номер один говорил на английском. Его «posh English» выдавал в нем жителя Кенсингтона, Мерилебона или Белгравии. Номер два использовал русский. Но по его акценту сразу становилось понятно, что язык Пушкина для него не родной.

– У вас, у русских, даже для «голая» есть синонимы? Зачем вам столько слов?

– Есть прагматичные нации, вот как вы, англосаксы. Вы живете в рамках «права». Вам нужно четко иметь определение каждого предмета, характеристики, инструкции применения с прописанными запретами. Иначе вы друг друга засудите и напрочь перессоритесь. А есть мы, русские. Нами душа, сердце, эмоции правят. Мы живем в рамках «понятий». Мы на каждое слово столько его оттенков подберем, и не интонацией, как китайцы, а настоящих слов, со своими корнями, суффиксами и приставками. Потому что мы не прагматичная, мы чувственная нация. А еще, у нас никогда не было настоящей свободы слова. Русский человек говорит одно, а думает на самом деле другое. Слова у нас мало что значат, русского человека по поступкам судить нужно. Потому то у нас так много слов, чтобы иметь возможность смыслом играть.

– Ты словами о чувственности маскируешь ваше пренебрежение законами. Я же помню, ты еще студентом, никогда на светофоре не стоял, старался поскорее улицу перебежать. Это все твои чувства. А, там, где закон, там чувств быть не должно.

Номер два еще раз окинул оценивающим взглядом молодую исполнительницу, по-прежнему стоявшую на сцене в ожидании сигнала начать игру. Столкнувшись с ней взглядами, он подождал пару мгновений, которые потребовались музыканту на то, чтобы опустить взгляд. Разочарованно усмехнувшись, номер два потянулся к столику и взял тарелочку с пирожным. Бисквит из канадской муки тончайшего помола, взбитые сливки запредельной жирности из Австрии, много голубики из Архангельской области и земляники из Луисбурга. Сплошное удовольствие и вред для тела. Личный врач, диетолог и фитнес тренер номера два должны были бы встать в очередь, кому первому, очень вежливо, указать боссу на недопустимость совмещения алкоголя и тортов. Но, во-первых, они не знали об этой встрече, а во-вторых, даже знай они о сегодняшнем меню номера два, они вряд ли бы рискнули сделать ему даже намек на замечание. Ведь и докторов, и диетологов, и тем более, фитнес тренеров в Лондоне очень много, а номер два – один.

Они встречались не часто. Раз-два в год. И всякий раз «принимающая» сторона, тот, кто выбирал место встречи, организовывал какой-нибудь милый пустячок для развлечения. Все их встречи носили, как бы так сказать, аристократический, даже несколько чопорный характер. Эти два человека имели возможность попробовать в жизни любые, действительно любые развлечения. Их не ограничивали не только рамки бюджетов или законов, у них самих не было каких-либо внутренних запретов. Но их встречи всегда были наполнены исключительно высоким. Искусство, в любом его проявлении, от кулинарии до оперы, от стрит арта до классического балета, от скульптуры до показов будущих коллекций ведущих домов моды. Отличное образование и отсутствие необходимости заботы о чем бы то ни было мелком, бытовом, делает человека либо абсолютным ничтожеством, либо настоящим ценителем классического искусства. В случае с этой парой произошло именно второе.

Номер один предпочитал пространственное, или статическое искусство. Он обладал замечательной, возможно, богатейшей частной коллекцией картин, фотографий и скульптур. Как-то гости его подмосковной «дачи» пошутили, что фасад гостевого дома оформлял сам Бэнкси. Что ж, в каждой шутке… Помимо «застывших» видов искусств, номер один так же знал и любил пространственно-временные формы. Он был заядлым киноманом, знатоком театра и балета.

Сердце номера два принадлежало динамическому, или временному искусству. Он не представлял своей жизни без классической музыки, которая непрерывным фоном сопровождала его повсюду. Вот и сегодня номер два распорядился пригласить в свое лондонское поместье восходящую звезду, талантливую скрипачку.

Обоим было слегка за сорок, возраст все еще сильный, но уже мудрый. Номер один был крупным, под два метра и чуть за сотню килограмм, жесткие темно-русые, слегка вьющиеся

волосы на пробор, большое, квадратное лицо, высокий лоб и выдающиеся вперед надбровные дуги, которые любой его взгляд делали строгим и оценивающим. Этого взгляда боялись. Под ним себя чувствовали неуверенно многие очень уверенные в себе люди. Портрет дополнял крупный нос и мясистые губы, обычно плотно сжатые и от этого имеющие бледный, розово-сине-белый цвет. Широкие кисти рук, длинные пальцы с квадратными ногтями. В студенчестве номер один иногда показывал фокус, поднимал с пола баскетбольный мяч тремя пальцами. Одет номер один был в темно-синий кашемировый пиджак, светло-голубую льняную рубашку с мягким воротничком и манжетами, черные шерстяные брюки и черные классические тупоносые ботинки оксфорды хоулкаты, сшитые из одного куска телячьей кожи. Из аксессуаров номер один имел лишь черный кожаный ремень и черные же часы «swatch», с корпусом из биопластика, который когда-то был семенами клещевины. Пластиковые часы и отсутствие крахмала на воротничках и манжетах рубашки номера один подчеркивали его дружеское расположение и неформальность встречи.

Номер два был таким же высоким, около 190 сантиметров. Но на этом их внешняя схожесть заканчивалась. Прямые, рыжеватые волосы с уже заметной сединой, зачесаны назад в стиле Хэмфри Богарта. Высокий лоб, овальное лицо. Тонкий, как будто нервный нос с чуть заметной горбинкой и острый подбородок, над которым неяркой линией выделяются тонкие, бледно-розовые губы. Изящные, несколько даже женственные ладони сейчас были сложены домиком, пальцы с миндалевидными ногтями перебегали волной, соприкасаясь подушечками и тут же отталкиваясь, словно обжегшись. Одет номер два был как всегда, в темный костюм из шерсти высокогорной ламы-викуньи. Белая, но как будто матовая, не белоснежная рубашка, темный полосатый галстук. На ногах тяжелые, из бычьей кожи, четвертные броги с орнаментом вокруг единственного шва. Ботинкам было уже за двадцать лет, но выглядели они ровно так же, как в тот день, когда покинули мастерскую Джозефа Чини на Руштон Роад в Десборо. Отец номера два однажды пошутил, что по хорошей обуви можно судить о том, что человек богат, а по старым дорогим ботинкам можно сказать, что человек богат уже давно. Из аксессуаров номер два, впрочем, как и всегда, имел лишь часы, стальной Петек Филипп, причем часы были на четверть века старше своего хозяина. Мизинец левой руки номера два украшал скромный перстень-печатка, изготовленный Королевским монетным двором в конце позапрошлого века.

Судя по биографиям российских бизнесменов и, особенно, политиков, Россия тридцать-сорок лет назад была страной третьего мира. Тотальная нищета, подорожник и чистотел – единственные лекарства, обмотанный тряпьем кран во дворе, замерзающий на пять месяцев в году, горячая еда – редчайший праздник, и то, лишь в гостях у богатых одноклассников-детей партийных руководителей, игрушки исключительно в витринах магазинов, на которые будущие олигархи и губернаторы смотрели снизу, из санок, когда родители везли их из очереди за сахаром в очередь за мылом. По официальной версии, в том числе опубликованной в «Википедии» и на сайте российского правительства, именно в таком детстве закалял характер один из будущих высших руководителей России, номер один. Он родился в ничем не примечательной семье в безвестном городишке одной из многих убогих российских областей. Напротив, о рождении номера два было упомянуто в старейшем английском периодическом издании «The London Gazette», а поздравления и пожелания здоровья матери и ребенку передавала сама королева.

– Да, там, где закон, там чувств быть не должно. – Повторил свои последние слова номер два.

По тому, как он это сказал, номер один понял, что товарищ находится в каком-то глубоком раздумье. Интонацией, которой были сказаны эти слова, номер два как бы подталкивал номера один на уточнение, на вопрос.

Номер один чуть взмахнул рукой в сторону музыканта, девушка, жадно ловившая любой знак от этой пары, тут же вскинула скрипку и сделала изящный, но резкий взмах смычком. Номер один внутренне сжался, ожидая пронзительной и совершенно неуместной, в данном случае, высокой первой ноты. Но умница музыкант отлично чувствовала атмосферу и из-под ее тонких рук разнеслась тихая, чуть грустная «Зима» Вивальди.

– Мы никогда не были друзьями, поэтому я заранее прошу тебя извинить за вопрос: ты в порядке, может я могу чем-то тебе помочь?

– Спасибо. Ты прав, мы не друзья, но мы и не враги, а это в нашей жизни уже большая удача. Я много думал о том, почему мы с тобой общаемся. В Тринити колледже это было как-то объяснимо. А вот после… – Номер два снова пригубил виски и задумчиво покрутил толстый хрустальный бокал, – а вот после колледжа… Знаешь, ты, пожалуй, единственный человек в мире, кому ничего не нужно от меня и от кого мне тоже ничего не нужно. Все окружающие меня люди либо ожидают от меня чего-то, что улучшит их жизнь, либо хотят испортить мою, чтобы получить какое-то мелочное моральное удовлетворение. А с тобой… И главное, я не соревнуюсь с тобою. Я ничего тебе не доказываю и от тебя ничего не ожидаю. Интересно, я могу получить информацию о любом человеке на земле, вплоть до мельчайших подробностей. А про тебя я даже не знаю, женат ли ты, есть ли у тебя дети. Мы как две параллельные прямые в евклидовой геометрии.

– В твоем примере мы бы сейчас не разговаривали. Скорее мы – как две параллельные в неевклидовом пространстве, может в системе Лобачевского. Наши параллельные прямые пересекаются раз в год. Но ты не ответил. Я вижу, что тебя что-то тревожит.

– Нет, меня давно ничего не тревожит. Вот это и есть моя проблема. У меня нет эмоций. Я живу той же жизнью, которой жили десяток поколений моих предков. И мой сын будет жить такой же жизнью. Да, его, возможно, будут возить не в автомобиле «Rolls-Royce», а в, не знаю, автолете «Tesla», и поместье у него будет не в Лестершире, а где-то на Луне. Но это будет та же жизнь и та же рутина. Семейный бизнес, уход в политику, пост министра, возможно пост премьера. Разница лишь в годах, плюс-минус. Если повезет, то в молодости у него случится один-два скандальчика с танцовщицами из Ковент-Гарден, но это и вся острота, на которую он может рассчитывать. Вот у меня и этого не случилось. – Номер два смолк и, посмотрев на остатки пирожного, из которых торчала серебряная трехзубчатая вилочка, все же протянул руку к бокалу с виски. – И будет мой сын, как и я, как и его предки, служить своей стране с прямой спиной и тусклыми глазами.

– Служить стране, не себе, стране – это не самый плохой выбор. Ты говорил про отличие нас, русских, от вас, европейцев. Так вот, соглашусь с тобой, и лишь добавлю, что вот это вот томление, страдание, тоже сильно нас разнит. История сделала виток. Русская душа, духовность, про которую так много говорил Толстой и Достоевский, она ушла, испарилась, выдохлась. Если раньше, в девятнадцатом веке, у нас этика была главнее эстетики, то теперь наоборот. Теперь за комфортную жизнь русский человек без раздумий старушку зарубит. Мы с вами за сотню лет орбитами поменялись, теперь у вас, у европейцев – нравственность и душа, а у нас – стяжательство и дикий капитализм. Теперь русскому, чтобы озвереть и мораль растерять – одного щелчка пальцев-обстоятельств хватит. У нас стране служить не принято, все больше о себе заботимся, и в этой заботе готовы всех локтями раздвинуть.

– Вот еще одно, то, чем вы русские отличаетесь. Вы всегда во всем себя, – номер два чуть помедлил, подбирая слово, он все еще говорил по-русски, – черным красите. Мне почему-то кажется, что остаться человеком может любой и в любых обстоятельствах.

Номер один поднял бокал коньяка, посмотрел через него на свет, покрутил и взмахнул в салюте.

– А вот давай, – пауза, голова чуть склонилась к левому плечу и глаз сощурился в тонкую полосочку, – давай мы поиграем, посмотрим, сможет ли человек человеком остаться?

Глава 2

Тот день окрашен в моем воспоминании запахом кофе. Терпкий, с горечью в аромате, с едва заметной кислинкой. Кофе был великолепен. Весь тот день окрашен у меня в воспоминаниях запахом первой, самой яркой кружки. Даже скорее первого глотка. Да. Именно так. Я люблю кофе. Очень. Кому-то это может показаться зависимостью. Вероятно, так оно и есть. Я зависим от хорошего кофе, я это знаю, и я с этим счастливо живу. Думая о том дне, когда все началось, я вспоминаю именно первый глоток. Позади зарядка и душ. Аромат свежемолотого кофе уже заполнил столовую, я беру большую, белую кружку с коричневой пеной и выхожу на открытую террасу. Завтрак еще не накрыт, горничные знают, что мне нужны двадцать кофейных минут. Я смотрю на изумрудную зелень сада и искрящуюся бирюзу воды. Делаю первый глоток.

Меня зовут Максим Романов, мне 38, рост 186, 95 кг, волосы темные, глаза серые. Интеллект, знание иностранных языков, чувство юмора, уровень доходов и потребностей – выше среднего. Скромности в добродетелях не имею совершенно. Родился и живу, по паспорту, в Краснодаре. Хотя, как однажды сказал мэр Москвы, такие люди как я не принадлежат одному городу, потому что постоянно находятся в поездках. И действительно, последние десять лет я провожу в России не больше семи-восьми месяцев в год, и из них лишь треть – в Краснодаре. Я основатель и владелец Группы Компаний «Максим», основным активом моей ГК является сеть ресторанов быстрого питания «Максим». В рейтинге богатых россиян Форбс оценивает меня примерно в 900 млн. долларов и ставит в своем списке куда-то в начало второй сотни богатейших россиян. Конечно, это оценка моих официальных активов. На самом деле я сам оцениваю себя примерно в 1,7–2 миллиарда, причем примерно четверть этого состояния я заработал за один, 2018 год. В прошлом году в России проходил чемпионат мира по футболу. Моя компания выиграла конкурс на обеспечение питания болельщиков, команд-участниц и журналистов на стадионах, в комплексах размещения, пресс-центрах и вообще во всех официальных локациях. Организаторы ставили задачу показать самобытность русской кухни, то есть пирожки вместо хот догов, компот вместо колы, коробочки не с лапшой, а с бефстрогановым, ну и так далее. Никто, кроме группы компаний «Максим», с нашей тысячей ресторанов быстрого питания, в масштабах страны не смог бы потянуть такой проект. Ну да не суть. Главное, что я могу делать себе такие подарки, как вид на искрящееся озеро через майскую зелень и чашку крепчайшей, изумительной арабики.

Я давно полюбил озеро Комо, окруженное горами, вытянутое, словно имбирный корень, с севера на юг. Дом в городке Ленно я купил с месяц назад, это был мой подарок самому себе на день рождения. Несмотря на близость знаменитой виллы Бальбьянелло, городок Ленно не самый туристический. Вернее, этот городок как Комарово из песни про «на недельку до второго». Сюда едут итальянцы, в основном миланцы, провести тут пару-тройку выходных. Внешние, иностранные туристы, предпочитают более живописные города, Менаджио, Белладжио или Варенна.

Я уже допивал кофе, а горничные уже накрыли завтрак, когда раздался звонок. Я вскинул левое запястье. 06:38 утра. Явно звонок из московского часового пояса или откуда-то еще восточнее, где день уже в самом разгаре.

– Доброе утро Руслан Викторович. Судя по времени звонка у тебя что-то интересное?

– Максим, привет, у нас тут действительно что-то интересное намечается. Причем не только по моему ведомству, Хачатур и Семен тоже какие-то эманации ловят. Нужно собраться.

Руслан Викторович Дзантиев – мой руководитель службы безопасности, Хачатур Казарян – финансовый, а Семен Панов – коммерческий директора группы компаний «Максим». Эта тройка составляет генералитет моей компании, мой «малый совет». И, как и положено высшим руководителям, истерией никто из них никогда не страдал. Если Дзантиев позвонил мне, значит он уже прокрутил все вводные и увидел что-то действительно интересное, что не должно остаться без моего внимания.

– Ну так собирайтесь и через двадцать минут можем созвонится в онлайне.

– А мы уже все собрались. Ждали, когда ты кофе допьешь…

– Ей Богу, я Валеру уволю, тоже мне, Фигаро нашелся!

Валерий Золотухин стал моим личным ассистентом в 2018. Но изначально он пришел в «Максим» именно к Дзантиеву, в отдел безопасности, где проработал почти полгода. Их связь, Дзантиев-Золотухин, сначала меня напрягала. Нужно правильно понимать. У каждого сотрудника должен быть один руководитель. При всем моем доверии к Руслану, мой ассистент должен быть только моим ассистентом. При всех плюсах Валеры, мне слуга двух господ не нужен.

– Максим, ты на парня не сердись, он вполне четко исполнил работу дворецкого, сообщил жаждущим твоего внимания лицам часы приема, – как будто услышав мои мысли произнес Руслан.

– Ок, оставим эту тему. Не забудем, а просто сейчас оставим ее. Судя по тому, что вы мне дали кофе выпить, но не даете позавтракать, дело не критичное, но серьезное. Ладно, кидай ссылку на собрание, сейчас подключусь.

Через двадцать минут я согласился с моим малым советом, что ждать моего участия по времени больше, чем необходимо на одну чашку кофе было нельзя. А еще через полтора часа я завтракал в терминале 1В аэропорта Мальпенза, в ожидании рейса на Москву и в раздумьях, не пора ли уже купить себе самолет.

За неполные пять часов полета я еще раз прокрутил все вводные, которые выдали мне мои директора. Плюс, изучил документы, включая выкладки аналитического отдела и сопроводительные записки от руководителей департаментов. Картина получалась, как и предупредил Дзантиев, очень интересная. По всему выходило, что некая неизвестная нам сила, прикладывает очень серьезные усилия по снижению стоимости акций ГК «Максим». Более того, не очень пока заметным атакам подверглись почти все бизнесы, в которых у меня, Максима Романова, есть интересы. И речь не только о финансовых инструментах. В конце концов, игры на понижение или повышение стоимости активов всегда были и будут. Но тут что-то серьезнее. Мои, проверенные годами поставщики, совершенно неожиданно сталкиваются с прогнозом гибели урожая и планируют объявить себя банкротами. Якорные арендаторы получают предложения от конкурентных девелоперов и рассматривают уход из моих помещений. Казалось бы, совершенно лояльные к нам государственные структуры вдруг делают на нас стойку и включают в план-график проверок. Пока все эти триггеры срабатывали лишь потому, что моя система упреждающих звоночков настроена очень качественно. Вероятно, другая, не столь скрупулезная компания, даже не обратила бы внимания на все эти, пока еще только прогнозируемые, угрозы. Но я всегда хочу быть победителем, потому, по совету Ницше, в случайности не верю. Нет, такой набор случайным не бывает. Каждое событие в отдельности – возможно. А вот когда их собирают в букет…

В свой краснодарский офис я приехал в районе пяти вечера.

При подборе офисного помещения владельцу бизнеса нужно сразу определиться, какую степень офисной свободы сотрудников он готов оплачивать.

Если ваш офис предполагает до пяти квадратных метров на одного работника – вы, вероятно, очень прижимистый владелец. Либо вы неправильно спрогнозировали рост своего дела и увеличение штата опережает необходимый рост инфраструктуры. Оба варианта – так себе. Если такая ситуация длится больше года-двух, я, не глядя в ваши документы, могу сказать, что у вас беда с квалификацией сотрудников, бэк-офисом, ваши айтишники в лучшем случае могут инсталлировать принтер и ни о каких CRM, СХД и ЦОД в вашей компании не слышали. Вернее, они скорее всего есть, но пиленые вашими же спецами «на коленках».

Если ваш офисный сотрудник обладает семью-восемью квадратами площади – вы входите в основную массу бизнесменов. Это не самая комфортная, но вполне свободная загруженность пространства.

Ну а если вы предлагаете вашим менеджерам десять плюс метров на каждого – поздравляю, вероятно жалоб на окружающую обстановку у вас не много, конфликты на рабочих местах редки, сотрудники имеют возможность персонализировать свое рабочее место фотографиями, дополнительными увлажнителями воздуха или любимыми домашними растениями. Отдача от работы в таком офисе сильно повышается.

А знаете, где находится самое большое офисное здание в мире? Оно расположено в штате Вирджиния, округ Арлингтон и отделено рекой Потомак от Вашингтона, округ Колумбия. Это здание площадью примерно шестьсот тысяч квадратных метров, из них больше половины – это собственно сами офисные помещения для работы почти тридцати тысяч сотрудников, суммарная длина коридоров этого помещения почти двадцать восемь километров. Получается, что один сотрудник этого офисного здания имеет примерно двенадцать квадратных метров офисного пространства. Этот щедрый работодатель – Министерство обороны США, а офисное здание называется Пентагон.

У меня на одного сотрудника приходится почти одиннадцать метров. И я вполне обоснованно могу гордиться этим. Офис группы компаний «Максим» занимает тринадцатиэтажное здание в центральном округе Краснодара, в районе улицы Северная. Бело-голубое здание с панорамным остеклением и великолепным стеклянным куполом на крыше. Его когда-то строили для крупного импортного заказчика, но что-то пошло не так и мои развивальщики выкупили недострой на муниципальных торгах. Конечно, пришлось вложить в строительство прорву денег, но я нисколько об этом не жалею.

Сегодня здание группы компаний «Максим» – это законченная экосистема. Снизу-вверх здание, как хороший слоеный пирог, состоит из обособленных, но при этом участвующих в создании безупречного ансамбля слоев-этажей, от двухуровневой подземной парковки, коммерческой зоны с магазинами и аптекой, этажа с рестораном для внешних посетителей и столовой для сотрудников, фитнес этажа с бассейном и рабочих уровней с офисами собственно самого «Максима», и завершая тринадцатым, главным этажом, где расположены офисы руководства корпорации. И разумеется, как вишенка на торте, стеклянный купол на крыше, под которым проходят топовые переговоры или кулуарные корпоративные мероприятия. Кстати, ужины с директоратом под куполом, на которые периодически приглашаются особо отличившиеся сотрудники и их супруги – это очень важная составная мотивационного пакета «Максима». Ну а в повседневности купол используется как столовая для руководства. Исключительно для руководства. В «Максиме» нет демократии. И да, у нас есть четкая грань между топ менеджментом и рядовыми сотрудниками.

Кстати, вы заметили, что верхние этажи деловых зданий всегда занимает начальство? Квартиры на самых верхних, впрочем, как и на самых нижних этажах в жилых домах стоят на десять-пятнадцать процентов дешевле, чем средние этажи. Риск, в случае отключения электроэнергии, топать на двадцатый этаж пешком, шум от лифтового и насосного оборудования. И кстати о лифтах. Утренние часы пик, когда за одну поездку вы можете остановиться дюжину

раз – разве это не поспособствует напряжению уже в самом начале рабочего дня? А пресловутые, распиаренные риэлторами «пентхаузы». Ну в самом деле. От переименования технического этажа или чердака в модный пентхауз или мансарду суть помещения не меняется. Это все те же низкие потолки, маленькие окна и в лучшем случае стук дождя по металлочерепице как по барабану, а в худшем – протечки осенью, холод зимой и раскаленный воздух летом.

Такая же история и в ритейле. Возьмите любой, совершенно любой торговый центр. Арендная стоимость будет пропорционально снижаться с каждым следующим этажом. Это вполне логично. Ведь цель любого розничного бизнеса – встреча с покупателем, количество этих встреч заложено в стоимость аренды. И если на первом этаже любого торгового центра побывает сто процентов посетителей, то на второй вполне могут добраться лишь девяносто, на третий восемьдесят, четвертый похвастается уже только шестьюдесятью процентами от всех вошедших в ТЦ людей. Потому то и столь редки торгушки больше трех-четырех этажей в высоту.

А вот в корпоративном бизнесе все совершенно иначе. И тут дело не только в инсоляции, то есть количестве солнца, попадающего в окна, или в виде из этих самых окон. Нет, тут дело не в архитектуре, тут психология. Подсознательное «я выше всех». Высоко сижу, далеко гляжу. И чем выше этаж, чем больше окно, на фоне которого стоит стол руководителя, тем эго этого самого руководителя счастливее раздувается от гордости. Признаюсь, в здании ГК «Максим» мой офис самый большой и с самым красивым видом. Да, я понимаю, что это плата за какой-то мой детский комплекс, но если при входе в кабинет я испытываю радость и приятное предвкушение работы, то почему нет?

Итак, в офис я приехал в районе пяти вечера и сразу же присоединился к своему «малому совету», заседающему в одной из переговорных комнат тринадцатого этажа. По мере надобности мы вызывали по видеосвязи начальников отделов и департаментов, чтобы получить пояснения по тем или иным вопросам. Закончили далеко за семь вечера, даже ближе к восьми. В это время рядовых сотрудников в здании почти не осталось, но менеджерская команда все еще находилась на своих местах. Я говорил уже, у меня в компании есть жесткое разграничение между руководителями и рядовыми сотрудниками. А руководство – это не только положение и доход, это еще и ответственность, и повышенный спрос.

Итак, картина была более чем интересная. Мелкие неприятности свалились на все мои бизнесы. Даже на те, которые официально в ГК «Максим» не входили, и следов моего участия в которых ни в какой системе Спарк, Контур, Селдон или даже LexisNexis найти было невозможно. Причем, все наши сторожевые колокольчики начали срабатывать одновременно, примерно неделю назад. Все. Разом.

– Джентльмены. Я подытожу. – Я обвел взглядом всех присутствующих, задержавшись на долю секунды на каждом. – Мы вместе пришли к выводу, что на нас напали. Нам не объявили войну, на нас уже напали. Я вижу главной задачей выяснение кто за этим всем стоит. Пока мы не понимаем кто наш контрагент, любые наши действия могут привести нас черт знает куда. Всю первичку мы уже обсудили, давайте дадим нашим серым клеточкам время структурировать и обработать информацию, возможно у кого-то произойдет озарение. Встретимся завтра в семь тридцать.

– Мне кажется мы слишком однобоко рассуждаем – Хачатур Каразян, мой финансовый директор, по привычке погладил широкой пятерней подкову волос. – Мы сейчас как начинающие политики, в случайности не верим. Начинающий в любом деле в случайности не верит. В этом одновременно его преимущество, но и его же недостаток. А мы с вами не начинающие. Лично я допускаю вариант, что за всеми этими фактами никто конкретный не стоит и каждое из событий – просто цепочка случайностей.

– Штирлиц, как ваши пальчики оказались на русской рации? – Усмехнулся я. – Мессиры, если за этими мелкими разрозненными неприятностями никто не стоит – значит мы попали в, прям-таки, беспрецедентную черную полосу, тут в пору святую воду в кулеры заряжать, вместо артезианской…

В комнате сидели очень умные люди. Очень умные и опытные. Поэтому все понимали, что в любом плане, самом тщательно разработанном и промоделированном целым полком аналитиков, присутствует элемент случайности. Черный лебедь. Непредсказуемый фактор или событие, которое может дать непредсказуемый результат. И почему такой непредсказуемый фактор не может всплыть не в одном, а в десятке, сотне кейсов одновременно? Каждый раз, подкидывая монетку, шансы орла и решки одинаковы, пятьдесят на пятьдесят. Не важно, сколько раз вы уже ее бросали. Но последовательность, ряд орлов подряд, можно получить только с вероятностью в одну вторую в степени количества подбрасываний. Даже десять орлов подряд – это уже одна тысячная! Или это «ошибка игрока», на которой так любит зарабатывать казино?

В переговорке снова повисла тишина.

– Так, пауза. Встретимся за завтраком. Я поднимусь поужинаю и тоже домой еду.

Через десять минут я побывал в душе и переоделся. Через пятнадцать минут я удивился. Через шестнадцать я очень сильно удивился, а через семнадцать я облегченно улыбнулся.

Глава 3

– Вот еще одно, то, чем вы русские отличаетесь. Вы всегда во всем себя черным красите. Мне почему-то кажется, что остаться человеком может любой и в любых обстоятельствах.

Номер один приподнял в салюте бокал коньяка, посмотрел через темную маслянистую жидкость на свет и покрутил, как бы в раздумье смотря на неровные дорожки на стенках искрящегося хрусталя.

– А вот давай, – номер один замолчал на несколько секунд как бы решая с самим собой, стоит ли озвучить мысль, в раздумье склонил голову к левому плечу, сощурил один глаз в тонкую полосочку, – давай мы посмотрим, сможет ли человек человеком остаться?

Следующая их встреча произошла неожиданно скоро. Уже через неделю номер один позвонил номеру два (сам набрал номер на старенькой кнопочной Нокиа) и пригласил его в бар «Бульдог» в центре Амстердама, в районе Де Валлен. Сидя в углу небольшого, как и все амстердамские бары, зала, номер один потягивал джин с тоником. Коктейльная трубочка в бумажной обертке лежала на столике. Номер один усмехнулся. Европейцы. В погоне за экологичностью готовы отказаться от пластиковых соломинок. Но как же нужно не любить себя, чтобы быть готовым взять в рот бумажную трубочку, которая еще недавно была, возможно, газетой, и согревала ноги какого-нибудь бомжа. А может это заговор барменов? Бумажная трубочка быстро разбухнет, размокнет, и вот клиент начинает торопливо допивать свой напиток. А там – или новый заказ, или освободит место следующему посетителю.

Весь вид за окном, через не широкую мощеную улочку, занимало старинное здание. В каменной стене, прям напротив витрины бара, располагались две низенькие деревянные двери. На одной чуть заметно проступал контур большого парусного корабля, а на второй, желто-оранжевой краской было нарисовано улыбающееся солнышко. В паре метров от второй деревянной двери располагалась третья, большая стеклянная, зашторенная сейчас изнутри синим атласом.

– Очень любопытный выбор места встречи. – На диван, обтянутый искусственной пятнистой коровьей шкурой, присел номер два. – Я же правильно понимаю, ты знал, что я тут неподалеку?

– Здравствуй. Ну конечно. Я знал, что ты всю неделю проводишь в Брюсселе, поэтому позволил себе попросить тебя заехать в Амстердам. Верю, ты не пожалеешь, что потратил два с половиной часа на дорогу.

– Потратить пять часов на трехсотмильное расстояние? Я не столь расточителен. Это было бы для меня слишком роскошно, ехать сюда на машине. Я потратил сорок минут на полет. Кстати, вертолет ждет меня…

– Я еще раз заверяю тебя, что сегодняшняя встреча тебя не разочарует. – С этими словами номер один демонстративно повернулся к окну.

Номер два инстинктивно последовал за ним взглядом. В доме напротив бара открылась дверь с нарисованным солнышком и из нее вышла вереница малышей. Держась за ярко желтую веревочку, змейка карапузов лет четырех-пяти, возглавляемая молодой дамой в ярком красном берете, прошла под барной витриной и скрылась где-то за углом.

– Я заметил, что у вас, в Европе, очень много двойняшек. Счастливые родители…

– Ничего странного. Просто мы не спешим заводить детей, молодые люди хотят пожить для себя, попутешествовать, сделать карьеру, заработать деньги. Первого ребенка начинаем планировать уже после сорока. А когда решаемся на ребенка, уже зачастую становится поздно, уже возраст, активность сперматозоидов не та. И тут на выручку приходит ЭКО. Отсюда и двойни.

– Видишь вторую дверь? Ту, на которой парусник? Первая, с солнышком, это детский сад. А вторая, с кораблем, это вход в церковный двор. Я все же верю, что двойняшки – это не наука, это Он, Его промысел.

– Ты специально выбрал этот город и этот бар? Третья дверь вероятнее всего – публичный дом? И не веришь ты в Его промысел. Я ведь знаю, ты рационалист. Что там с грехами? Атеизм, неверие в бога, это грех меньший, по сравнению с верой во лже бога. Знаешь, сколько на земле религий?

– Никогда об этом не задумывался, дюжина? Две? – Номер один сделал знак бармену и тот проворно поставил на столик два стакана-рокса с темным, почти коричневым виски, вероятно заказ был предварительно оговорен, а судя по скорости исполнения – еще и сдобрен щедрыми чаевыми.

– Около сотни! – Номер два взглянул на бокал, чуть замешкался, но все же поднял его и замочил губы в остро пахнущем торфом напитке. – Сотня религий. Помимо так называемых мировых, христианства, ислама и буддизма, иудаизм я сюда не включаю, иудеем можно стать лишь по рождению, так вот помимо трех мировых есть еще несколько десятков основных религий. Ты возможно знаешь, у моей семьи есть отношения с американским министерством обороны. Иногда мне самому приходится бывать на их мероприятиях. Американцы первыми поняли, что имидж погибших солдат может быть рекламой. Поэтому зачастую их мероприятия проходят на Арлингтонском кладбище. Это удобно, штаб-квартира через дорогу… – еще один глоток, на сей раз уже полноценный. – При захоронении на этом кладбище родственники могут выбрать, какой религиозный символ будет выбит на мраморной плите. Знаешь, сколько сейчас этих символов? Шестьдесят два. Только на одном кладбище похоронены представители шестидесяти двух религий… – Бокал еще раз поднят, а затем, пустой, отставлен в сторону. – Я помню, с математикой у тебя всегда было хорошо. Так скажи мне, какова вероятность сделать правильный выбор? Как выбрать настоящего Бога? Каждый верит, что именно его религия – верная. Но теория вероятности говорит, что правильнее не верить вовсе, чем участвовать в этой религиозной лотерее и ставить на кого-то конкретного, будь он Христом, Аллахом или Буддой.

Номер два повернулся к окну.

– Ты же меня в бар у церкви, напротив детского сада и публичного дома не просто так пригласил. Не просто так эту троицу показываешь. Ты мне контраст показать хочешь, или, как вы русские любите говорить, многополярность.

– Ты прав. Хотел бы я тебе просто тройку показать – пригласил бы в Рим на три государства в замочную скважину поглазеть. Я именно эту церковь хотел… Она для меня как бы символ того, что не все всегда является тем, чем кажется и первое мнение может быть очень далеким от истины. Ты знаешь, что это старейшая церковь в Амстердаме? И в ней великолепный орган. Лет десять назад я случайно попал сюда на концерт органной музыки. Вместе с еще несколькими десятками людей, повторюсь, я случайно на концерт попал, просто как обычный турист. Я сидел у прохода, справа. А через несколько рядов от меня, по диагонали, тоже у прохода, но с левой стороны, сидел колоритный мужчина, стандартный американец, в шортах, кроссовках и футболке. И он дирижировал! Он так истово и эмоционально дирижировал! Когда зазвучала «Кармина бурана» я думал, он вскочит и начнет в проходе невидимым оркестром управлять. Меня восхитило его чувство музыки. Ты хорошо знаешь, я больше визуал, меня звуки никогда не возбуждали, но глядя на этого человека я был поражен и восхищен. Я искренне завидовал его чувству, какие эмоции в нем вызывал органист. А потом этот человек встал, прям посреди концерта, он встал и шатаясь пошел к выходу. И когда он проходил мимо меня я понял, что он всего лишь чертовски пьян. От него разило так, что я сам побоялся захмелеть, только вдохнув его пары.

Номер один умолк и улыбнулся. Улыбка была скорее даже не на губах, просто уголок рта чуть приподнялся, на долю миллиметра. Вся улыбка была в глазах. Они будто бы вспыхнули изнутри яркими искрами и тут же погасли, вновь закрывшись за нависшими строгими бровями. Правая рука вверх и указательным пальцем круг, для привлечения внимания бармена. Тут же на стол встали две новые порции виски и пара изящных пивных бокалов-тюльпанов. Номер два вопросительно вскинул левую бровь.

– Ты серьезно? Ты предлагаешь напиться? Пиво с виски?

– А ты не будешь?

– Почему не буду? Буду. – Номер два отставил пустой бокал и взял новый.

– Ты знаешь, что у нас в России была такая царица, Екатерина Вторая? Наверняка она приходится какой-нибудь непрямой бабушкой вашей королеве, я знаю, что дед Елизаветы, Георг пятый, был двоюродным братом нашего русского царя Николая второго. Так вот, был при дворе нашей Екатерины такой придворный, граф Потемкин-Таврический. Хотя, какой там придворный. Фаворит. И даже не фаворит, а супруг он был нашей царицы, морганатический муж. Активнейший человек. Это он Крым к России присоединил, он наш черноморский флот заложил и много чего еще успел за свою недолгую, полувековую жизнь сделать. – Номер один отпил глоток пива, оценил температуру, и, вероятно удовлетворившись, выпил треть бокала единым глотком. – И вот, представь себе, этот политик, реформатор, профессиональный, как его сегодня бы назвали, премьер-министр, обладающий неимоверной властью, деньгами, имеющий в своем распоряжении целую империю, причем без каких-то там демократий или плюрализма, он ходил по своему дворцу и жаловался на скуку! Ему было скучно! Когда я об этом узнал, я сначала посмеялся. Как же. Такой великий человек, а ему скучно. Подумал было, фантазии ему не хватало. – Номер один выпил половину оставшегося в бокале пива, снова одним единственным глотком, массивный кадык лишь единожды дернулся вверх-вниз. – Мне приятно было так думать. Тут же прямая аналогия со мной, да и с тобой, – кивок в сторону номера два, – думал, вот я какой, умнее графа Потемкина, мне не скучно. А вот после нашей прошлой встречи знаешь, я задумался. Сначала я решил, что у Потемкина была депрессия. Я решил, что и ты, друг мой, тоже от депрессии страдаешь. Начал копать. Не сам конечно, дал задание специалистов найти, кто может нормальным, не ученым-птичьим языком объяснить.

– У меня нет ни депрессии, ни скуки. На прошлой встрече я просто плохо себя чувствовал. – Номер два говорил спокойным, чуть даже снисходительным голосом, как будто брал на себя ответственность за то, что ввел товарища в заблуждение. – Я признателен тебе за то, что ты так близко к сердцу принял мои слова, но помощь мне не нужна.

– Ха ха. – Номер один отставил пивной бокал и вновь взял толстостенный низкий стакан с виски. – Разумеется, ведь признать необходимость помощи – значит проявить слабость. – Снова прищуренный взгляд, пауза. – Не переживай, я тоже так еще недавно считал. Но это не правда. Вообще, давай будем честны друг с другом. Если бы ты был в порядке, ты бы уже летел обратно в Брюссель на своем вертолете, а не пил бы тут со мной в занюханном баре.

– Я пью в этом занюханном баре только потому, что ты меня сюда пригласил. Хотя, надо признаться, я уже начинаю сожалеть, что согласился на внеплановую нашу встречу.

– Ну, хочешь к стандартному формату вернуться – легко. Я не просто так в Амстердам прилетел, я тут Дюрера, «Зайца», покупаю. Родного брата того, что в Альбертино выставлен. Можем вместе поехать. Будешь первым за пятьсот лет, кто увидит эту картину. Ты этого хочешь? Или все же признаешь, что у тебя неудовлетворенность есть, ты же удовольствия от жизни не получаешь. Синдром Ротенберга-Альтова, распорядись, тебе быстро специалиста найдут и все симптомы резюмируют, сам увидишь, что это твое.

Номер один говорил чуть громче, чем обычно, и только это выдавало бушевавшие в нем эмоции.

– Ты, друг, страдаешь той же болезнью, что и я сам. Мы достигли таких высот, что нам уже не к чему стремиться. Дальше у нас либо извращения на горизонте, а этого ни я, ни, мне кажется, ты, особо не хотим. Либо мы в людишек играть начнем. Войнушку где-нибудь организуем, освободительную революцию, или наоборот, не освободительную. Я покопался, знаешь ли, и вот что интересно мне удалось выяснить. У каждой, поверь у каждой цветной революции, есть вполне конкретные имя и фамилия. Да что там говорить, даже за ростом борьба за права ЛГБТ сообщества или за права черных, даже за ними стоят наши с тобой товарищи, которым от нечего делать захотелось поиграть с историей. На нашем, постсоветском пространстве, это вообще просто. Россия в девяносто первом, когда союз распался, осталась страной с имперскими замашками. А империя – это помимо прочего, еще и обязательно многонациональность. А вот в отвалившихся странах лейтмотив играли национальные силы. А когда националисты к власти приходят, они неизбежно нацистами становятся. Так что разжечь пару-тройку революций – совершенно простое дело. Вот и я тебе предлагаю, давай поиграем?

Номер один сделал глоток, и даже не почувствовав вкуса алкоголя, продолжил. Он умел так, говорить, не замечая ничего вокруг, и его слова всегда, всегда слушали.

– Ты бывал в Саудовской Аравии? Там есть такие города, Харад и Эль Баха. Между ними примерно двести пятьдесят километров, это около ста пятидесяти миль, так вот, на трассе между этими городами нет ни одного поворота. Она прямая, как стрела. Отличная, ровнейшая дорога через пустыню. Я когда-то сделал ошибку, думал будет весело, взял «ламбу», хотел по этой трассе прокатиться. И знаешь, что? Скука скучная. Мало того, что по сторонам все одинаково, песок, так еще и дорога прямая, рулить не нужно, скука черная!

– И что ты предлагаешь? Революцию, войну, эпидемию? Ты же явно уже придумал что-то. – Номер два медленно, очень медленно пригубил виски, но по его телу, по наклону корпуса, по глазам было видно, что он уже весь внутри этой идеи, он уже там, планирует и просчитывает, а главное, ему это интересно.

– Постой. Столь грандиозные планы я пока еще не рассматриваю. Нужно сначала на чем-то себя попробовать. – Номер один так же приподнял свой бокал, сделал глоток и бросил в рот матово блестящую оливку. – Мы сначала на небольшой группе попробуем, партитуру им напишем, продирижируем сначала камерным оркестром, ну, а если понравится, тогда и за войнушку или революцию возьмемся. Ты же не покупаешь сразу ящик вина нового виноградника?

– У меня есть человек, чьему вкусу я доверяю, поэтому я вообще вино не покупаю. То есть мы посадим в некое закрытое пространство некое количество людей и будем за ними наблюдать?

– Очень широкими мазками именно так. А вот подробности, правила и задачи, которые мы спустим нашим участникам, как и требования к самим участникам, мы сейчас и обсудим.

Глава 4

– Штирлиц, как ваши пальчики оказались на русской рации? – Я вспомнил свой любимый фильм и то, как набором случайностей Штирлиц, на грани провала, объяснялся с Мюллером. – Мессиры, если за этими мелкими разрозненными неприятностями никто не стоит – значит мы попали в, прям-таки, беспрецедентную черную полосу, тут в пору святую воду в кулеры заряжать, вместо артезианской…

Впрочем, там, где одна случайность, там возможна и их череда. Ведь мог Гильденстерн сто раз подряд проиграть Розенкранцу, раз за разом выбрасывая орла? Почему бы и нет. Вот только это красиво в кино и литературе, а в бизнесе с такой цепочкой столкнуться…

В переговорке снова повисла тишина.

– Так, пауза. Встретимся за завтраком. Я поднимусь поужинаю и тоже домой еду.

Через десять минут я побывал в душе и переоделся. Через пятнадцать минут я удивился. Через шестнадцать минут я очень сильно удивился. А через семнадцать минут появился незнакомец и я облегченно вздохнул.

Когда моя компания только переехала в новое здание, в наш тринадцатиэтажный комплекс, кто-то из дизайнеров назвал стеклянный купол на крыше капитанской рубкой. Шутка прижилась. Вообще, сравнение коллектива или компании с кораблем очень популярно. Сколько раз вы слышали слова сотрудницы ЗАГСа о «лодке любви» или «корабль под названием Ивановы»… В корпоративном бизнесе такая же история. Многочисленные бизнес тренеры сплачивают коллектив, ассоциируя его с командой корабля. Один за всех и все за одного. Вокруг – бушующее рыночное море и акулы-конкуренты. И вся надежда только на боцмана и отца-капитана, то есть на генерального менеджера и его совет директоров. Чушь полная, но с менеджерами среднего звена работает и стоит дешевле, чем многие другие мотивационные программы. Итак, название «рубка» прижилось. Ну а с появлением рубки и обслуживающие директорскую столовую сотрудники стали, вполне логично, называться не официантами, а стюардами.

В моем здании очень много комнатных растений, от неприхотливых кактусов и стандартных для любого офиса юкк, фикусов и диффенбахий, до совершенно экзотических карликовых берез и мхов во всю стену. Ну а рубка была, прям-таки, наполнена живыми зелеными растениями. Шестнадцать метров в диаметре и двенадцать в максимально высокой точке, но учитывая сферический наклон стен полезная площадь купола составляла чуть больше ста квадратов. И значительная часть этой сотни квадратов была отдана саду. Бамбуковые и финиковые пальмы, лимоны, папоротники, алоэ и несколько видов кактусов. И все это на ковре из стелющегося можжевельника. Уж не знаю, как наши садовники ухитряются поддерживать в одном месте жизнь таких разных растений, но с 2015, с самого переезда ГК «Максим» в это здание, мы регулярно берем призовые места в различных номинациях в ежегодной национальной премии за лучшие решения бизнес-пространств Best Office Award. Концепция рубки – это зеленая зона, залитая солнечным светом, где большой стол на тридцать человек смотрится легко, словно плед для пикника на траве. И кстати, «Максим» участвует в Office Award не из какого-то пошлого тщеславия. Мы не рефлексирующие истерики, которым нужно что-то кому-то доказывать. Предоставление сотруднику рабочего места в столь титулованном, и реально удобном и красивом офисе – это тоже мотивация. «Максим» дает работнику много, потому имеет право много от сотрудника требовать.

Итак, через пятнадцать минут после завершения совещания с моими директорами, отдохнувший под контрастным душем и сменивший костюм и ботинки на кроссовки, джинсы

и футболку с принтом Джокера, я поднялся по винтовой лестнице в рубку. И удивился в первый раз.

Я уже говорил, что помещение под куполом обычно использовалось как столовая для высшего менеджерского состава, то есть для буквально дюжины человек. Поэтому в стандартные рабочие дни тут стоял круглый, примерно трехметровый обеденный стол.

Сейчас этот стол был очень нестандартно сервирован. Как-никак, я имею некоторое отношение к кухне. А где кухня – там и сервировка. И отличить настоящее столовое серебро от наших обычных приборов, которые используются в рубке… «Максим» конечно не бедствует, и в этом месте ест верхушка компании, здесь мы принимаем особо важных гостей, но все же, серебра у нас никогда не было. Если бы я сам не просмотрел еще во время перелета из Италии все первичные данные и не провел только что встречу, я бы подумал, что мои директора приготовили мне какой-то приятный сюрприз. Подготовили, заманили меня в офис, разыграли проблему и сейчас планируют с хлопушками и шариками выпрыгнуть из-за кадок с деревьями. Может, такое запоздалое поздравление с днем рождения? Хотя розыгрыши, какие бы они ни были, скажем так, комфортные, не в стиле моего малого совета. Остроумие у всех моих товарищей, как у всех умных людей, отменное. И в понятие «смешно» – розыгрыши у нас ну никак не входят. Значит это не они. А кто еще может организовать сюрприз владельцу «Максима» в офисе «Максима»? Ответ очевиден, только тот, кто проводит все те мероприятия, которые я весь сегодняшний день анализирую. Ну что ж, по всему получается, что сейчас мне будут показывать представление. Пока нет других данных, почему бы не поиграть с теми картами, которые мне выдал неизвестный визави. Противником его называть, до того, как он объявит о своих планах, я не буду. Серебро приборов дает очень широкий веер версий.

Я отодвинул кресло и сел за стол. Достал телефон и удивился во второй раз. Очень удивился.

Связь, возможность созвониться или списаться с кем угодно и когда угодно, гарантия доступа в интернет из любой точки здания при любых внешних факторах. Абсолютная энергетическая автономность и наличие альтернативных каналов связи. Это разумеется не залог успешного бизнеса, но, как минимум, одно из непременных условий. Весь Краснодар мог остаться без электричества, сетки всех операторов могли лечь, оставив абонентов без связи. Проводные телефоны могли умереть из-за какой угодно аварии. Но в здании ГК «Максим» продолжали бы гореть лампы, компьютеры сотрудников продолжали бы обмениваться данными с серверами, а сотовые и настольные телефоны автоматически перешли бы на виртуальных операторов или спутниковые сети. Это стоит чертову уйму денег, но это то, что в итоге окупается. Поэтому, я очень удивился, когда, сев за стол, я взглянул на свой Блэкбери. Я был не в сети.

В купол ведут два входа. Парадный, которым пользуемся мы, те, кто обедает в этой столовой, и служебный, которым пользуются стюарды и служащие. Это не снобизм. Просто дверь для человека, несущего в руках посуду, горячий кофейник или пылесос, должна открываться несколько иначе, чем обычная. То же самое с освещением, напольным покрытием, шириной и глубиной ступеней и многими другими факторами.

Человек, поднявшийся в купол через служебный вход, не был одним из наших стюардов. Не то, что я знаю всех в лицо, но он как минимум был одет не в нашу униформу. По той же причине он не мог быть поваром или садовником. Не был он и случайно перепутавшим двери сотрудником одного из нижних этажей. Система электронных карт-ключей дает доступ каждому работнику исключительно в те помещения, посещение которых входит в его контракт. Поэтому, появление в рубке этого мужчины меня очень обрадовало. Как только незнакомец появился в рубке – я вздохнул с облегчением.

– Я думал вы придете после ужина.

– Вы меня ждали?

– Не то, чтобы ждал. Скорее надеялся, что вы придете.

– Меня зовут Станислав Сергеевич, я…

– Не правда, – перебил я мужчину.

– Что, простите?

В переговорах есть два типа участников. Те, кто получают, и те, кто уступают. В 95 % переговоров есть те, кто получают больше, чем рассчитывали, и есть те, кто отдают больше, чем собирались. Пресловутые win – win встречи, на которых якобы обе стороны получают именно то, на что рассчитывали – это большая редкость. Я обычно получаю больше, а плачу меньше. Потому что я умею вести переговоры.

– Это не правда, что вас зовут Станислав Сергеевич. В лучшем случае, если вы сейчас не врете и это имя написано в вашем паспорте, так вот, в лучшем случае вас иногда в лицо так называют. А вот как вас зовут на самом деле ваши знакомые – вы скорее всего не знаете. – Судя по чуть растерянному лицу мне удалось сбить его с толка. А нечего строить мне сюрпризы, я очень скучный человек, я их не люблю.

– Простите, Максим Александрович, я не совсем понимаю вас…

– Простите? Вы в чем-то передо мной провинились? Или это ваш стиль, начинать переговоры с низкой позиции? – Ох как блестят его глаза, что, друг, не привык вот так с места в карьер, а то ли еще будет. – Я говорю о том, что не мы сами выбираем, как нас зовут. Начиная от имени, которое нам, без нашего согласия, дают родители, и до прозвища, которым нас называют друзья или сотрудники. Однажды, кажется в пятом классе, мой товарищ пришел в школу в черном пиджаке с удлиненными фалдами, эдакий детский вариант фрака. Кто-то из друзей назвал этот пиджак «смокингом», кто-то не расслышал, или просто не знал такого слова, и вот этот парень до конца школы стал «Цмыком».

– Максим Александрович, что вы несете?

Ого, это уже похоже на огрызание. Возможно, статус моего визави все же чуть выше, чем я изначально предположил. Ну ничего, сейчас я его еще пощупаю, плести узоры из слов я умею.

– Я вам больше скажу, даже то, как вас на работе называют, выбираете не вы, а ваш работодатель. Вот, возьмем, к примеру, вас. Вы, вероятно, хотели бы назвать себя представителем, посланцем, переговорщиком, может менеджером по налаживанию контактов. А ваш хозяин называет вас просто «говорящая голова».

Интересно, как он будет выбираться из этого разговора? По всему видно, что подготовленный сценарий нашего знакомства уже пошел под откос. Ну что же, поковыряем твою сдержанность. Все как всегда. Выведи контрагента из равновесия и отожми себе больше, чем изначально тебе планировали дать.

– Станислав Сергеевич, давайте уже к делу. Я мечтаю о чашке кофе. Думаю, что смогу слушать вас еще минуты три. А потом я вас прогоню.

– А вы не боитесь так разговаривать с человеком, который устроил вам проблемы, которые вас даже из Италии выдернули?

– Ну вот вы опять. Нельзя строить отношения на лжи. Если вы надели хороший костюм, обувь, – я сощурил глаза, – манжет поддерните, часы у вас вероятно не дешевые, да? Одеколон, чувствую, кридовский Авентус, верно? Мне он тоже лет десять назад нравился. Маникюр по случаю сделали. Вот только мой вам совет, вы, если за серьезного человека хотите сойти, вы одеколона поменьше на себя лейте. И, уж простите за откровенность, фигура. Портной конечно постарался, костюм вам явно подгоняли, вот только времена, когда только богатый человек мог быть толстым, давно прошли. По вам ведь видно, что питаетесь вы черте чем. Еще и очки. Вы про лазерную коррекцию зрения слышали? Человек, стоящий за всеми моими вопросиками, заметьте, не проблемами, а именно вопросами, он достаточно умен, чтобы о своем здоровье думать. Так что вы – просто наемник какого-то очень среднего уровня.

Это конечно очень подлый ход, но эффективный. Ого, а мужик – молодец. Только по расширенным зрачкам за стеклами очков и по трепетанию крупного носа можно понять, что нервничает, но руки не трет, лицом не краснеет и потеть не начинает. Крепкий мужик.

– Вы в одном только правы, – прищуренный улыбающийся взгляд, – набрызгали меня от души, – мужчина шуточно помахал широкой ладонью перед носом, как будто разгоняя неприятный запах.

Вот только он не был смущен. Любой «ряженый» на его месте засмущается. Человеку, каким бы он ни был циником или дураком, очень сложно не смутиться от мысли, что его застукали там, где ему не положено быть. Не по правилам, законам или формулярам, а по первичным признакам, по уму, достатку, внешности. А еще взгляд. Строгий, оценивающий и, как ни странно, веселый. В глазах была не обида унижения, не разочарование разоблачения, в них было веселье. Неужели это и правда он, мой главный визави?

– А я на ваш счет кажется ошибся, впору мне самому у вас прощения попросить, – тихо и задумчиво произнес я.

Если бы мы встретились иначе, я бы даже поверил, что именно стоящий передо мной мужчина – мой главный оппонент. Но все же не мог на первую встречу прийти первый человек, это не в психологии руководителя такого масштаба.

– А вот признание своих ошибок делает вам честь. Кстати, вы у меня четвертый, и первый, кто так быстро меня просчитал. Первые трое меня, пока я полностью не представился, так за говорящее письмо и принимали.

– Почему же тогда один прибор? – Я кивнул на стол.

– Оооо, нет, спасибо, я вегетарианец, никого не ем. И я никогда не сижу за столом с тем, кто есть животных.

– Тогда почему вы выбрали местом нашего знакомства столовую?

– Ну, это элементарно. Показать, что я имею доступ к святая святых, к кухне, я решаю, что вы съедите.

– Ну много то на себя не берите, вы решаете, что на стол поставить, а вот что съесть – это уже только мое решение. Однако, нам похоже не избежать разговора, может вы распорядитесь накрыть стол без мяса и второй куверт принести?

Мой собеседник задумался на какое-то мгновение, а я тем временем еще раз оглядел его с ног до головы. Под два метра, с явной парой десятков лишних килограмм. Добротные ботинки на тонкой кожаной подошве, темные брюки, но не костюмные, без стрелок, белое поло и песочный пиджак. Короткие, темно-русые волосы, нарочитая трех дневная небритость, при этом имеющая четкий контур. Очки в тонкой оправе из белого металла. На первый взгляд ему не больше сорока двух-сорока пяти. Если не смотреть в глаза. А они тут очень интересные. Под широкими, выдающимися вперед надбровными дугами сияли яркие, живые и умные глаза. Даже я бы сказал, умудренные. Эдакие подуставшие, как будто они уже все видели и все понимают, но все еще испытывающие азарт от увиденного.

– А почему бы и нет? – Станислав вскинул левую руку и взглянул на часы. Я не разбираюсь в аксессуарах, но на руке сверкнуло что-то очень стальное и скромное, всем своим неброским видом кричащее о большой стоимости. – А вы ругаться не станете? Я, признаться, не люблю неприятные разговоры за столом вести, это оскорбительно для шеф-повара.

– А вы моего шефа оставили, или мои люди сейчас связанные лежат, смотрят, как на их кухне чужая команда орудует?

– Ну за кого вы меня принимаете, право слово, ваши люди готовят, ваши. Но под руководством моего. Ваш шеф, за скромную сумму, согласился сушефом один вечер поработать.

Я отметил про себя, что нужно будет разобраться, почему мои сотрудники берут деньги у чужих людей. Да да, это как в кинологии, в дрессировке собак. У моего сотрудника должен

быть один источник дохода, «Максим». Повторюсь, я много требую, но и даю не мало. Так что, шефа для директорской столовой прикажу сменить.

– Вы мне, Максим Александрович, так и не ответили, ругаться не намерены случайно? Корить за все те посягательства на ваше равновесие, что за последнее время вам устроили?

– Оставьте, за что вас корить, а тем более ругаться с вами. – Я решил проверить одну свою неожиданную догадку. – Наоборот, я очень рад с вами встретиться, я признателен, что вы сегодня ко мне пришли, не стали тянуть. Рад настолько, что с удовольствием перед ужином шампанского бы выпил.

– Вы замечательный человек, Максим Александрович, вы мне все больше и больше нравитесь. И ледяной брют сейчас был бы и правда очень уместен. У нас с вами, предвижу, разговор интересный получится, а с шампанским он еще и приятным станет. – Сказал и замолчал, как будто действие совершено, и больше ничего делать не нужно.

Странно. Очень странно. Не может он не понимать, что я понимаю. А если он понимает, что я понимаю, то не может не понимать, что мои выводы о его роли прямо противоположны тому, как он себя в переговорах позиционирует.

– Максим Александрович, да не оглядывайтесь вы так. Да, мы тут вдвоем. И да, я не передаю приказ об изменении меню, о приборах для меня и о шампанском ни по рации, ни по телефону. Да, вы верно уже просчитали, что нас слушают. Вы же поэтому шампанское приказали подать? И головой вертели сейчас, микрофон искали? Уверяю вас, наши микрофоны даже специалисты не нашли бы. А у вас зрачки сузились! Заметил, заметил. Хотя вашей выдержке могу только позавидовать. В покер поигрываете, нет? Только вот подозреваю вывод вы не верный сделали. Вы наверняка решили, что несмотря на то, что я представляюсь вам, ну скажем так, фигурой, человеком принимающим решения, а вот из-за того, что нас слушают вы сделали вывод, что я – марионетка, исполняющая приказы. Но смотрите, у меня в ушах гарнитуры нет, аудио суфлерами я не пользуюсь, очков дополненной реальности не ношу. Давайте я еще раз представлюсь: Станислав Сергеевич, распорядитель Игры.

Глава 5

– Ты предлагаешь революцию, войну, эпидемию? Ты же явно уже придумал что-то.

– Постой. Столь грандиозные планы я пока еще не рассматриваю. Мы сначала на небольшой группе попробуем, партитуру им напишем, продирижируем сначала камерным оркестром, ну, а если понравится, тогда и за войнушку или революцию возьмемся… Подробности, правила и задачи, которые мы спустим нашим участникам, как и требования к самим участникам, мы сейчас и обсудим. Представь, что ты попал в игрушечный магазин и выбираешь себе солдатиков, или настольную игру….

– У нас есть два пути. Мы можем определиться с людьми, кого хотим видеть, и от этого будем выбирать, в какие условия мы их поставим. Либо, мы разработаем правила, обстановку, а дальше будем решать, кого мы в эти условия погрузим. – Номер два говорил медленно, задумчиво, чуть тягуче, видно, что начал проникаться идеей, глаза уже заволоклись туманом ожидания, предвкушения чего-то нового, яркого, интересного.

– Я театрал. Неужели ты считаешь, что я сужу о постановке по декорациям? Игра, только актерская игра, живые эмоции и характеры, только это может меня привлечь. Я не умаляю роль бутафоров и реквизиторов, но не они делают постановку, а только актеры. – Номер один усмехнулся. – На вашем острове ведь мысль о том, что все в этом мире игра – совершенно не нова. Но в начале я все же предлагаю определиться с целью. В нашу последнюю встречу ты высказал одну теорию, с которой я, вот поверь, с огромным сожалением, никак согласиться не могу. Ты сказал, что любой человек в любых обстоятельствах может остаться человеком. Повторюсь, с огромным сожалением, я вынужден не согласиться с тобой. Обстоятельства, окружающая действительность может вернуть человека в его животное состояние. Да, черт возьми, примитивный быт может сделать из любого образованного и культурного человека тупое и злобное животное.

– Ты судишь по своему окружению. Ведь ты в своей стране общаешься только с акулами-коллегами из твоей плоскости бытия, готовыми любого за новую скважину съесть. Либо с прислугой, халдеями, готовыми за лишнюю бумажку преданно в глаза глядеть и на задние лапки вставать. Отсюда такой взгляд. Посмотри на официантов у вас и здесь. В России официант – это временная работа студента, а у нас официанты – это чаще мужчины за сорок, часто сами владельцы, потому что обслуживать можно с достоинством. И твои коллеги… Это всего лишь нувориши. – Заметив недовольный жест номера один, номер два взмахнул рукой, как бы прося не перебивать его. – Да да, нувориши. У вас сколько лет капиталу? От силы тридцать, верно? А настоящее состояние должно отлежаться, чтобы семья пирата, награбившего деньги, стала элитой, должно не одно поколение через частные школы и лигу Плюща пройти. Но мы отвлеклись. Нравственные ценности, как цена на любой продукт, имеют свой жизненный цикл. Чем меньше у народа становится бытовых проблем, чем более он удовлетворен в своих базовых потребностях, тем выше его культурный уровень. Но и тут есть пик, предел, за которым непременно следует эрозия, падение, если хочешь можешь назвать этот процесс амортизацией нравственности. Цена ценностей падает. Вам до этого еще лет сто. А вот у нас, помяни мое слово, скоро крах придет. Я это точно знаю. Когда в 1989 в церкви обвенчали гей пару, вот тогда наши часы на обратный отчет и пошли.

– Если я правильно тебя сейчас понимаю, ты не уверен в гражданах свободной Европы? – Номер один проявил искреннее удивление.

– Друг мой, я знаю своих сограждан. Свобода, в любом понимании этого слова, имеет и один интересный побочный эффект. Мы слишком легко переходим с одной стороны на другую, из консерваторов в лейбористы, из монархистов в республиканцы. Вот ты кино не

просто любишь, ты его знаешь. И я знаю силу влияния, которую кино имеет на людей. Нам, тут, на западе, уже давно такие нормы прививают… Главный герой непременно гомосексуальный опыт должен иметь, – пауза, пальцы правой руки в задумчивости трут печатку на левом мизинце, – а если сценарист пропишет пару белый-негритянка – все, кошмар, расизм. Наоборот, он негр, она белая – можно. – Номер два взял бокал. – Если мы Богом данный гендер готовы предать…, – еще одна пауза, а затем решительный взмах головы, – поэтому я хочу, чтобы в игре участвовали русские. Не обязательно по национальности, я в курсе, что у вас этносов много, но их всех должно объединять российское гражданство, непременно и по праву крови, и по праву почвы.

Глаза номера один прикрылись, словно он услышал именно то, что ожидал.

– Хорошо, но раз ты уже подбираешь параметры будущей команды, я тоже поставлю условие. Это должны быть богатые люди. Не просто выше среднего класса, а непременно богатые, от полумиллиарда долларов. Легко быть высоконравственным, если у тебя ни семьи, ни имущества. А вот если тебе есть что терять, тогда ты свою партию по другому петь станешь.

– Согласен. Но с выбором россиян мы получаем ограничение в географии. Это европейцев можно в любую точку глобуса поместить, а у русских, насколько мне известно, владение языками отсутствует, нет у вас этой культуры. Значит мы либо ограничены пределами России, либо должны поместить наших подопечных в некое закрытое место.

– Я против закрытых помещений, кораблей, островов… Это значимо сократит вариации развития сюжета.

– Сюжет… А помнишь, у Кинга, «Под куполом»? Может поместим участников в какой-нибудь город? У вас же их много в тайге, сумеешь найти такой, откуда просто так сбежать не получится?

– В принципе, – номер один на несколько мгновений задумался, – пожалуй да, я смогу и городок подыскать, и администрации приказать смотреть куда нужно, а куда не нужно не смотреть. Итак, кого мы хотим видеть?

Номер два рассеянно крутил в руках уже пустой бокал. Номер один отметил, в очередной раз с завистью отметил для себя то, как с непринужденным аристократизмом сидит на широком диване его товарищ. Развалившись, как будто растекшись, но при этом спина прямая, будто у солдата на посту номер один. Вот оно то, чего ему никогда не приобрести.

– Я не хочу видеть в наших мышиных бегах людей, которые могут вызвать жалость. – Номер один сделал очередной жест официанту, раздраженно подумав, что любой российский бармен уже давно предложил бы посетителям бутылку, а этот нет, так и носит роксы с едва закрывающими дно сорока граммами. – Поэтому никаких стариков или женщин.

– Вы русские так патриархальны. Со стариками согласен, я бы тоже предпочел следить за людьми от тридцати до, скажем, пятидесяти лет. А вот насчет женщин… В каждом мужском коллективе должна работать хотя бы одна женщина. Это стимулирует сотрудников.

– Согласен, мужчины до пятидесяти, одна женщина, не молодая, около тридцати, в меру симпатичная.

– Если женщина около тридцати – «не молодая», то кто же мы с тобой?

Оставив замечание без ответа, номер один продолжил:

– Мне кажется, оптимальным будет привлечь семь участников, мне всегда нравилась цифра семь.

– Шесть мужчин и одна женщина? Так не будет конкуренции прекрасного пола, а я бы на это взглянул.

– Согласен, принимаем формулу пять плюс два. – Номер один чуть замешкался, потер подбородок широкой ладонью. – Я сейчас подумал, что, если мы выбираем игроков от полумиллиарда долларов, вытащить незаметно семь имен второй сотни российского Форбс… – Снова небольшая пауза и почесывание идеально гладкой скулы. – Да и как бы мы площадку

камерами не утыкали, какие бы вводные им дистанционно не подкидывали, лучше все же им актеров в группу включить, что скажешь? Через них и сюжет сможем корректировать.

– В принципе, – такая же задумчивая пауза, – в принципе я за. Ты опять меня впечатляешь. Игра в игре. Вот только, знаешь ли, я беспокоюсь, что не сможет простой актер отыграть богатого человека.

– Это ты по своему «старому свету» меряешь. Ты же сам сказал, что состоянию отлежаться нужно, у нас оно еще даже созревать не начало. Это у тебя в глазах – все твои рыцари-предки отражаются. А у нас… Мы знаешь, что сделаем? – Номер один заметно повеселел, как всегда, когда ему в голову приходила остроумная идея. – Мы всем актерам, кого в игру включим, мы им конечно историю богатства-бизнесменствования скрупулезно пропишем и они ее на зубок выучат. А еще, накануне, мы их в рестораны отправим. Например, с пятью тысячами долларов. Для обычного московского ресторана, на одного, это вполне приличная сумма. С условием, все, что не потратят в заведении – сгорает.

– Любой человек закажет хорошее вино, блюдо с трюфелем, а остаток на чай оставит, – начал было номер два, но номер один протестующе вскинул руку.

– Эээ, нет, это ты по себе судишь. А я уверен, что уже после второй сотни граммов черной икры и шампанского, пусть даже сладкого, но непременно «дорогого», наши актеры начнут «эй, человек!» кричать, цыган и девок заказывать, или вообще официантов за сотенную бумажку заставят друг другу по мордасам стучать, был у нас уже такой период в истории. Вот после такого вечера наш актер и взор будет вполне грозный иметь, и вообще, в поведении вседозволенность проявится. На неделю этого может и не хватит, но если им гонорар за игру нескромный пообещать… И бизнес им подберем. Что-нибудь, что и на слуху, и владельцы чтоб не медийные люди. Отсутствие пересечения с реальными игроками разумеется проверим.

– Согласен, четыре реальных фигуры и три лицедея.

– Лучше четыре актера, одного барашка мы в самом начале разделаем, это придаст резвости остальным.

– Согласен. Но вот еще, какой бы интригующей не была наша затея, тратить на нее много времени я не готов. Надеюсь ты не предлагаешь мне долгосрочный проект по скотинизации?

– Ого, твой русский стал просто великолепен! «Скотинизация», позволь, я заберу этот шедевр в свой лексикон. – Номер один смеясь вновь поднял бокал. – Конечно нет, тратить на подобные развлечения сколь-либо большое время и я не намерен. Поэтому наша игра займет неделю, максимум десять дней. За это время наши подопечные либо оскотинятся, – кивок и салют бокалом в сторону номера два, – и я делаю ставку именно на это, либо останутся людьми, с присущей цивилизованному человеку моралью и нормами поведения. И именно на это, мой друг, ставишь ты, верно?

– И что на кону?

– Я бы поставил доллар, или, может, бутылку вина. Тут суть заклада не важна.

Номер два в задумчивости покачал головой.

– Не скажи. Ставка всегда важна. Мы же не юнцы, спорящие для того, чтобы просто что-то доказать, нам таким образом самоутверждаться не нужно. А кроме того, грошовый заклад унижает наших игроков, – по глазам номера два было видно, что он уже загорелся идеей игры, он уже в ней, уже предвкушает…

Номер один задумался на несколько секунд, потом совершенно по-юношески улыбнулся и даже мотнул головой. Азарт заплясал огоньками в уголках глаз.

– Знаешь, я ведь не только для встречи с тобой и за картиной в Амстер прилетел, я новую яхту заказываю, – номер два одобрительно кивнул, на что номер один благодарно прикрыл глаза и продолжил, – у тебя ведь тоже через пять месяцев в Van Lent Royal сто метровая новинка на воду спускается? А что, если мы на название поспорим? Кто выигрывает, тот обе яхты и называет.

Номер два сидел с широко открытыми глазами и смотрел на товарища. А потом он рассмеялся. Чисто. Открыто. Очень искренне.

– Ты великий человек. Ты врал мне. С твоей фантазией ты не можешь скучать. Ты, как всегда, второе дно стелешь, спор и в игре, и в выигрыше, русское чувство юмора против английского! Согласен. С такой ставкой игра и правда обещает быть интересной. Чьи юристы оформят контракт?

– Мои люди уже подготовили документы, осталось лишь вписать ставки…

Глава 6

– Максим Александрович, давайте я еще раз представлюсь: Станислав Сергеевич, распорядитель Игры.

Разочарование, интерес, любопытство, азарт. А затем уверенность и сразу полное ее отсутствие. Именно в такой последовательности пронеслись мои чувства.

Разочарование я испытывал примерно полторы секунды. Меня снова вписывают в какую-то игру. Это не может не разочаровать. В очередной раз мне хотят щелкнуть по носу, показав, что я не игрок, а лишь фигура на поле. Согласитесь, на пороге кризиса среднего возраста это может и разочаровать.

Интерес длился чуть дольше, может даже три или четыре секунды. Игра, организованная кем-то с теми возможностями, которые я видел по влиянию на мой бизнес. Организатор этого мероприятия не может быть глупым или поверхностным человеком. Он может быть маньяком, психом, кем угодно, но простой человек не смог бы провести столь масштабную атаку на меня. Это не может не быть интересным. Интерес, вполне логично, перетек в любопытство, что заняло следующую секунду. И разумеется, при всей моей уравновешенности и прагматизме, я все же азартный человек. Business for fun, работа в кайф, с огоньком. Именно азарт, страсть, отличает перспективного бизнесмена от простого рядового менеджера. Азарт шел с любопытством, отставая от него не больше чем на пол корпуса. Серебряные приборы, вероятно, должны олицетворять возможный выигрыш, куш по итогам игры. И мои шансы получить выигрыш, победить в этой, пока неизвестной мне, игре – выше средних.

Я умнее большинства людей. Вернее, не так. Эта фраза звучит слишком глупо, даже хамски. Но факт в том, что сотня миллиардов нейронов, из которых состоит мой мозг, очень эффективно связаны между собой сотнями триллионов синаптических связей. По этим нейронным путям в моей голове, как по автострадам, с дичайшей скоростью носятся электрические сигналы, создающие мысли, идеи, приносящие данные из хранилищ памяти. Я не умнее большинства людей. Просто мои нейроны работают эффективнее, движутся быстрее. Я, как древний Рим, с его системой дорог, в сравнении с пока еще не вошедшими в состав империи соседями. Конечно, есть мнение, что именно развитая система дорог позволила варварам завоевать Рим, но это уже к теме не относится. Как говорил Эркюль Пуаро, у всех есть маленькие серые клеточки, но не все знают, как ими пользоваться… Я знаю.

Когда вы заходите в ресторан, обязательно смотрите на обувь официанта и его униформу. Если сотрудники обуты в туфли на каблуке, ботинки на кожаной подошве, или кеды с тонкой резиновой подошвой – лучше уйдите из этого заведения. Если в заведении есть лестницы, а официантки одеты в узкие юбки-карандаши, если подошва официантов скользкая или плохо амортизирует – значит тут регулярно падают и под конец смены дико устают. Глупо ожидать хорошего обслуживания от человека, которому не комфортно в униформе.

Стюарды, обслуживающие рубку, носят ортопедическую обувь на высокой каучуковой подошве, черные брюки, жилетку с карманами для блокнота, зажигалки, ножниц для сигар и штопора, белую рубашку. На поднявшемся в рубку стюарде из всего этого стандартного набора присутствовал только жилет. Черные кроссовки и черные джинсы, голубая рубашка. В правой руке поднос с приборами. Мой ассистент, Валера Золотухин, а это был именно он, споро сервировал второе место за круглым столом и вежливо склонился к гостю, ожидая распоряжений.

Нейтрофилы. Именно так называется спецназ лейкоцитов. Это очень маленькие и подвижные клетки, которые первыми устремляются к месту повреждения организма и начинают пожирать патогены. Валера, мой ассистент, в униформе официанта, раскладывающий

приборы для моего визави. Уверенность в том, что моя иммунная система во главе с безопасником Дзантиевым работает как нужно пришла ко мне. Пришла на целых две секунды. До следующих слов Станислава.

– Спасибо, Валера, шампанское ты принесешь, или Руслан Викторович сам в жилетку нарядится?

Моя уверенность улетела куда-то под купол рубки и там растворилась в кислороде, выработанном множеством зеленых растений.

– Да не тушуйся ты, не тушуйся. – Станислав поддернул брюки и уселся в кресло напротив меня. – Или вы, господа, и вправду рассчитывали, что я приду к вам в гости, не изучив вас? Ну, право, не обижайте меня, это ведь даже не профессионализм, а так, начальная арифметика. Ты, Валера, уж будь добр, передай там внизу, – указательный палец выставлен в сторону служебного входа, – передай вашему безопаснику, господину Дзантиеву, Руслану Викторовичу, что подниматься к нам не следует. И сам, пойди ка, любезный, прочь! – Станислав заулыбался. – Ух ты, давно мечтал так официанту сказать. Эк, звучит ведь! Пойди ка, любезный, прочь! Прям Паратовым себя чувствую! Не желаете ли выпить брудершафт? Только вот я рюмок то не признаю, велите подать стаканы! – Станислав начал было раскатисто смеяться, но, наткнувшись на мой совершенно не веселый взгляд, осекся.

Валера замер, как был, чуть склоненный к гостю. Только голову повернул в мою сторону.

– Иди, иди Валер, все хорошо. И Руслану передай вежливую просьбу, – глазами я поймал взгляд Станислава и, дождавшись, пока он не отвел глаза, продолжил, – передай вежливую просьбу нашего гостя, чтобы к нам только стюарды поднимались.

Умные люди заполняя анкеты для бонусных карт в продуктовых магазинах, указывают дату рождения где-нибудь в конце декабря или начале января. Ведь обычно ритейлеры предлагают дополнительную скидку ко дню рождения постоянного покупателя. А когда вы точно покупаете много дорогих продуктов?

Вероятно, в моей анкете где-то на небесах так же значится пунктик: «Побольше приключений в районе дня рождения». Почему-то именно конец апреля – начало мая в моей жизни особо богаты на различного рода приключения. Мне только что исполнилось тридцать восемь. И я опять втянут не пойми во что.

– Ну что вы, дорогой, что вы насупились? – Станислав поправил манжеты поло и взял в руки приборы. – Вы, Максим Александрович, можно сказать…

– Нельзя. Нельзя сказать. Давайте переходить к сути. Есть мне перехотелось, пусть принесут кофе. – Переговоры, как хороший триллер, должны постоянно держать в напряжении. Любителям монотонной музыки в переговорах делать нечего. Раз некто, в лице Станислава, хочет со мной поиграть – пусть пристегивается.

Тут же в рубку вошел стюард, настоящий штатный стюард, с кофейником и тяжелыми фарфоровыми кружками.

– Приборы уберите, пожалуйста, ужин отменяется. – Я встал из-за стола и подошел к стеклянному куполу, встав спиной к сидящему Станиславу. Нужно показать ему, что в беседе я заинтересован меньше чем он, в любых переговорах это простейший способ повысить свое начальное положение. – Станислав Сергеевич, я повторюсь, – глоток кофе, – переходите к сути. Рассказывайте условия и давайте уже торговаться.

– Максим Александрович, я умный человек, поэтому я не боюсь признаться, что я чего-то не понимаю. Объяснитесь, сделайте милость, почему такая резкая перемена?

– Все просто. Во-первых, я рад, что за всеми мелкими неприятностями, которые шевелят наши сигнальные флажки, стоите вы. Не какое-то случайное инферно, а вполне конкретные люди. С абстрактными неудачами бороться невозможно. А с людьми можно. Во-вторых, вы, хоть вы и не первое лицо в компании, но все же и не бумажное письмо-ультиматум. Значит

ваш хозяин готов договариваться. И наконец, в-третьих, серебряные столовые приборы. Если это не намек на возможный выигрыш, то я даже не знаю, чем еще может быть этот жест. Итого, мне всего лишь нужно с вами о чем-то договориться, и это может улучшить мое положение. Так к чему терять время?

– Браво, если бы я имел право делать ставки, я бы, пожалуй, поставил именно на вас.

– Подождите, у вас же еще несколько встреч, вы ведь явно наиболее интересных участников на последок оставили, чтобы на более простых экземплярах беседу обкатать.

– Ого, а это вы откуда взяли?

– Вы сами сказали в начале знакомства, что я у вас четвертый. Если игра индивидуальная, количество участников будет минимум пять, иначе альтернативы в выборе фаворита не будет, максимум семь, больше – это уже масс продукт, индивидуальность каждого игрока затрется. Но я все же надеюсь на цифру пять. Иначе вы поставили меня в середину списка, тем самым объявив посредственностью. Если игра командная, тут тоже четыре и даже пять участников не подходит. По два участника в команде – мало. А пять – простое число. Не может командная игра быть составлена из трех, пяти, семи, одиннадцати игроков. Значит минимум еще от одной до трех встреч. – Я обернулся от окна. Теперь мне важно видеть моего оппонента, прочитать его.

– Интересно. Я вижу, что вы уже приняли данность, что игра состоится, или мне все же нужно вас как-то убеждать, аргументировать…

– Знаете, Станислав, – я намеренно назвал его по имени, без отчества, простейшая провокация, назвать человека не так, как он представился. – Одна мудрая старая еврейка, прошедшая через фашистский концлагерь, сказала, что если кто-нибудь обещает вас убить – нужно сразу верить. Не нужно рассуждать, искать в угрозе какие-то нестыковки или считать, что угроза мнимая. Нужно сразу, стопроцентно, абсолютно верить и исходить их того, что угроза реальная. Я видел первичные документы по всем тем случаям, которые вы нам устроили. Я верю, что вы можете попытаться сделать больше. Я этого не хочу. Так зачем же нам тратить время на беседу, давайте уже калькулятор на стол, вы мне свои условия, я вам свои. До чего-то доторгуемся.

– Странный вы человек, Максим, сами на ужин пригласили, сами его отменили. Сами торговаться приглашаете, но всем своим видом даете мне понять, что вы тут главный? Так кто же спорит. В игру только таких вот «главных» мы и приглашаем. А суть игры предельно проста. Вам, вы верно угадали, с командой, нужно выжить в течении недели, всего семь дней, при этом принимать кое-какие командные решения.

– Выжить? Это что будет? Остров, тюрьма, джунгли?

– Ну что вы так нас унижаете, неужели мы настолько скучны? Нееет, выжить вам нужно всего лишь в городе. В обычном российском городе, коих у нас тысячи. Правда ни денег, ни помощников, ни даже просто крыши над головой или еды мы вам не предоставим. Сами-сами, все сами.

– Напомните, просто чтобы проверить догадки, если я сейчас вам лицо разобью и в самолет сяду…?

– Ну, во-первых, у лица хозяин есть, а во-вторых, процесс это не остановит. Я ответил на вопрос?

– В общих чертах. Хотя вы не произнесли ничего конкретного. Хотите, чтобы я сам себе последствия нарисовал? Думаете, никто меня так не запугает, как я сам?

– Мои мысли в данном случае не имеют никакого значения. Правила уже четко сформулированы. В случае вашего отказа от добровольного участия, или в случае выхода из игры в процессе, мы закроем компанию. Вы не разоритесь. Вы останетесь достаточно обеспеченным человеком, но группа компаний «Максим» прекратит свое существование. Вся. Она не перейдет к новым владельцам, она не будет раздроблена на мелкие части. Она просто перестанет

существовать. Не сразу, но в новый, 2019 год она уже не войдет. Люди, которые ваш профайл составляли, порекомендовали мне следующий пункт вам отдельно проговорить, заострить на нем внимание, хотя, мне кажется, это очевидно: все сотрудники потеряют источник дохода. Все, абсолютно все сотрудники группы компаний «Максим». Ну и владельцы акций, разумеется, тоже вылетят в трубу.

Я порадовался. Приятно понимать, что с моралью у меня все не плохо, она у меня все еще есть. Я даже чуть-чуть посамоумилялся. Не до свечения вокруг головы конечно, но приятные бабочки где-то в затылке успели пару раз взмахнуть крылышками А потом их съел богомол, или стрекоза, или паук, или кто там еще питается бабочками. Может хамелеон выстрелил в моих красавец своим длиннющим липким языком и проглотил их. Хамелеон разочарования. Кстати, второй раз за встречу со Станиславом…

Не то, что я какой-то мега социально ответственный человек. Ни в коем случае. Я нормальный, здоровый эгоист, я знаю, что я достиг многого в том числе потому, что я это заслужил и социальных долгов на мне не висит, я готов поступиться каким-то нормами морали и даже права, я не переживаю оттого, что где-то в Африке голодают или в Южной Азии идет гражданская война. Но вот больше сотни тысяч людей, сотрудников с семьями… Акционеры, копившие на образование детям… Не просто люди, а мои люди…

В президентских выборах на Украине планирует принять участие актер. Молодой, талантливый, вероятно не глупый, возможно справедливый и может быть вообще очень хороший человек. Но он никогда не станет президентом. Нет в нем нужного архетипа. Глава государства обязан обладать архетипом отца. Не в силу возраста. Белорусский Батька стал президентом в сорок, но, уверен, в нем и в двадцать был этот стержень отца. Это не возраст. Это нельзя приобрести. Это либо есть, ну либо, как в случае с украинским актером, просто не дано.

Я никогда не стану политиком. Быть каким-то местечковым чинушей мне претит. А для принятия сколь-либо значимых решений, которые будут влиять на страну, да даже на регион, для этого нужно быть эдаким здоровым, без патологии, но психопатом-нарциссом, уверенным в своей правоте. Только так можно принимать судьбоносные решения. Я не настолько верю в свою мудрость. А вот отец для моих сотрудников во мне, оказывается сидит. Это приятная новость. Это даже щекочет мое эго, приятными такими, положительными эманациями. Они как раз и выпустили мне в голову бабочек, о которых я говорил. Но не долго они порхали, уже через пару мгновений они исчезли, стертые-проглоченные хамелеоном-пониманием того, как четко меня просчитали. У меня мало болевых точек. Только что я узнал еще одну. Причем узнал в тот момент, когда на нее надавили.

По моему лицу никто ничего никогда не прочтет. Поэтому я знаю, что мои мысли – это только мои мысли, ни один физиогномист или психолог никогда не найдет на мне бегущей строки с транскрипцией моих чувств. Поэтому, оставляем минор и просто идем в очередные «самые важные» переговоры.

– Допустим, вот только мой персонал надолго без работы не останется. С опытом в «Максиме» их очень быстро раскупят. Опять же те, кто давно у меня работает, если они не дураки, подушку безопасности на черный день себе всяко отложили. Ну а если они у меня не долго работают, или если они дураки, так и переживать о них я не стану. Есть у вас еще что-то, что может меня подтолкнуть вторую чашку кофе налить и продолжить разговор, или мы прощаемся? Если у вас только закрытие «Максима» в рукаве, то всего доброго, я поехал домой, спать.

– Максим Александрович. Вы считаете, что мы ваши методы ведения переговоров не изучили? Ну вот опять вы нас обижаете. Вы сейчас станете обесценивать нашу угрозу, но на самом деле она сработала. Я этого не вижу, но я это знаю.

– Станислав, можно я буду с вами откровенен?

– Покажите мне человека, кто ответит на такой вопрос отрицательно.

– Вы излишне льстите себе и своим аналитикам. Слышали когда-нибудь про Олега Тинькова? Начал в девяностых с магазинов электроники, музыки, открыл свой рекорд-лейбл, делал пельмени, варил пиво и открывал рестораны, открыл первый банк без офисов. Думаете, после прочтения его биографии кого-то, у кого есть голова, руки-ноги, может испугать потеря одного бизнеса? Да я вам благодарен буду, без такого толчка я так всю жизнь моно-бизнесом и прозанимаюсь. Кто такой Максим Романов? Ааа, это рестораны «Максим». Ну скучно, девушки! – Я умею играть в покер, мне по силам выиграть турнир в Лас-Вегасе, я умею блефовать. Я искренне верю, что умею блефовать.

– Вы еще про вело спорт забыли. – Станислав так и не притронулся к кофе, просто смотрел в черноту чашки, как в зеркало. – А я вам верю! Знаю, что вы врете, и все равно верю. Поэтому мы опустим этот вопрос и, из взаимного уважения, не станем по нему полемизировать. И раз уж, как вы изящно заметили, в одном рукаве у нас угроза, то логично, что во втором пряник.

Я заранее приготовился скривить лицо в разочаровании. Слова о том, как мелко они мыслят и сколь плохо меня изучили уже начали формироваться у меня в голове. Мои нейроны уже начали выстраиваться в синаптическую цепочку, рождая остроумный и уничижительный ответ. Но после слов Станислава это все стало рекламой предприятия «Артель – напрасный труд» с Сизифом в ген директорах. После его предложения я окончательно поверил, что меня изучили, просчитали и предсказали. Как царя Валтасара. Мене, текел, фарес. А еще я узнал, не понял, а именно узнал одну вещь. Понимание – это процесс. Это мысли, выводы из первичных данных. А узнавание – это результат. Без действия. Так вот, после слов Станислава я узнал две вещи. Плохую, просто ужасную, и отличную, просто замечательную.

Я просчитан, меня изучили от и до, а значит, при наличии ресурсов, а они у них есть, мою компанию могут разделить и уничтожить. Все, что создано человеком, может быть уничтожено человеком. И это плохо. А вот хорошая новость в том, что я точно приму участие в этой чертовой игре, и каковы бы ни были условия – я выиграю. Потому что выигрыш означает исполнение моей, даже самому себе еще не озвученной мечты.

– Во втором рукаве у нас – США. Соединенные Штаты Америки. В случае вашей победы в игре, рынок Штатов станет доступен для ресторанов «Максим». Пояснять, что с выходом на северо-американский рынок вы получаете весь земной шар, становитесь из локальной, хоть и крупной, но российской компании – глобальной корпорацией, я не стану, вы все понимаете. Опять же пояснять, что без нашей поддержки, самостоятельно, вы никогда такой шаг не сделаете – не буду. По крайней мере наши аналитики говорят, что даже если вы поставите себе такую цель, на ее воплощение всего лишь с сорока процентной вероятностью успеха уйдет порядка тридцати месяцев.

– Кто вам сказал, что меня вообще интересует выход за пределы РФ? «Максима» даже в Белоруссии нет…

– Ну право, Максим Александрович, ну не стоит. Я же говорил, что ваши переговорные методы нами изучены, мы домашнюю работу умеем выполнять. Поэтому, как вы сами говорили, – он чуть повысил голос, – принесите, пожалуйста, свежий кофе и черный чай с лимоном…

Я подошел к столу, сел. В чем бы не заключалась эта игра – я стану победителем.

Глава 7

Нас было восемь. Пять мужчин и три женщины. Все примерно одного возраста, у всех нечто неопределенно схожее в манере держаться. А еще, все присутствующие были неуловимо-одинаково агрессивны. Вы когда-нибудь привозили ребенка в детский лагерь? Или в новую спортивную секцию? Если да, то вы видели, что ребенок, попадая в группу своих ровесников, тут же начинает с ними как-то контактировать, тут же из кармана достается неведомо откуда там оказавшаяся машинка, или жвачка, или камень, и это богатство демонстрируется ближайшему парню, тут же пара обрастает новыми участниками, и вот уже новичок общается со старожилами.

Наша компания была другой. Мы больше походили на участников собеседования на одну и ту же позицию, которых нерадивый работодатель собрал в одно время в одном месте. Ну а раз работодатель дает возможность, то грех ею не воспользоваться.

– Леди, джентльмены, – я обвел глазами всех присутствующих и убедился, что все взгляды мои, – пока наши организаторы держат паузу, может мы познакомимся? Меня зовут Максим, я умный, умею готовить, знаю много веселых историй.

Как я и ожидал, никто не ответил, но люди стали переглядываться между собой. Это уже хорошо. Если нам предстоит командная игра – я хочу знать, кого брать к себе, а в статике человека не прочтешь.

– Ну же, или все, кроме меня, тут собрались в гольф играть? Я что, один тут на какую-то игру приглашен?

После встречи со Станиславом в Краснодаре прошла неделя. За это время меня и «Максим» никто не беспокоил, все странности в бизнесе прекратились. Это было ответом на мое согласие принять участие в игре, для старта которой я и прилетел в Москву, и сразу же из аэропорта, приехал в этот клуб в Нахабино.

Пять минут назад меня, как и семерых моих коллег, привезли на гольфкарах в шатер, разбитый посреди поля, примерно в километре от основных корпусов отеля. Шатер был большой, не меньше сотни квадратов, с толстым несущим столбом посередине. Напротив входа, полукругом, у стены, стояли покрытые белыми скатертями столы с дюжиной мармитов, прямоугольных стальных емкостей с крышками, под которыми горели низкие свечи, термосы, салатницы, блюда накрытые клошами, кувшины с разноцветными соками. Отдельно стоял большой стол, заставленный самым разнообразным алкоголем, фруктами, шейкерами, соковыжималками. На земле, справа и слева от входа, у самых стен, белой краской нанесены контуры больших прямоугольников. Прямо по траве. Как разметка на футбольном поле. Внутри прямоугольников, той же краской, написаны цифры, единица слева и двойка справа от входа.

– Я Наталья. Разбираюсь в вине. – Стройная рыжеволосая женщина застегнула пиджак, сделала шаг вперед, в центр шатра, но тут же вернулась обратно, к стеночке, и уже оттуда кивнула в сторону барного уголка.

– Не нужно знакомиться, разве вы не понимаете, не нужно этого делать. – В центр шатра вышел крепкий мужик, единственный из присутствующих одетый в спортивный костюм. – Я не знаю в чем будет суть игры, может мне придется вас всех… – Он выставил указательный палец на манер пистолета и обвел им всех присутствующих.

– Ну, дорогой, всех ты не положишь, скорее тебя скопом замнут, – тихо и ни к кому конкретно не обращаясь произнес седеющий армянин. – Я Грикор, друзья. Я уже хочу подружиться с уважаемой Натальей, потому что к ее вину я вам такие тосты скажу…

В любой новой обстановке важно ловить первые реакции. Очень часто первыми начинают говорить не прирожденные лидеры, не самые бойкие или активные люди, а наоборот, те, кто за этой маской скрывают свою интровертность или неуверенность в себе. Именно это я увидел в Наталье, несмотря на то, что она первой подхватила включенный мною виртуальный микрофон, она явно ведомая. Эхх, знать бы условия игры, чтобы понимать, кто мне нужен и нужен ли вообще…

– Ольга, антикризисный менеджер. Когда нам правила скажут – я смогу вам выдать верную стратегию. – Молодая женщина, прическа Умы Турман из «Криминального чтива», пиджак, блузка, узкая юбка, туфли на каблуке забавно смотрятся на зеленой траве.

Все с интересом смотрели на все еще ничего не сказавших двух мужчин и женщину, стоящих чуть отдельно. Упитанный, с наметившейся на затылке лысиной, повертел головой.

– Иван Викторович Архипов, заместитель министра, собственно, я вероятно несколько не вполне адекватно вписываюсь в столь странно подобранную команду, ибо я, отчасти, являюсь государственным служащим, а посему…

– Вот тебя, Хряк, я первого и съем. – Указательный палец мужика в спортивном костюме уперся в упитанного. – Посему адекватно и вероятно сожранный чиновник, ха ха. Я так понял, тут по доходам отбирали, мне распорядитель сказал, что тут суммарно чуть не десять ярдов баксов соберется, на всех поделить это больше ядра на рыло. Так что ты, Хряк, – палец словно волшебная палочка крутится перед носом упитанного, – ты со своим «отчасти государственным служащим» тут явно лишний, ха ха. Или ты оборотень, взятки берешь?

Пора прекращать, эдак спортивный костюм раньше времени себя авторитетом почувствует.

– Трое пока не представились. Давайте уважать друг друга. Назовитесь, пожалуйста, – говоря это я смотрел на спортивного мужика, чуть склонив голову в бок, прищурив глаза. Говорил тем голосом, который, по словам моих знакомых, появился у меня после открытия тысячной столовой. Тихо, мягко, доброжелательно, непререкаемо. Без допуска, что меня не услышат или не исполнят.

– Пошли вы, держитесь от меня подальше, я могу покалечить любого, – улыбка и взгляд на Наталью, – ну или наоборот, приласкать.

В этот момент полог шатра откинулся и вошел Станислав.

– Дамы и господа, рад приветствовать вас. Я со всеми уже знаком, но все же еще раз представлюсь. Станислав Сергеевич, распорядитель игры.

– Станислав Сергеевич, у нас еще три участника не представились, вы позволите? – Я спокойно, без эмоций, смотрел на распорядителя.

– Максим Александрович, не позволю. – В отличие от меня, Станислав широко и очень радостно улыбался. Только от его улыбки скорее становилось зябко, чем весело. – Прошу всех запомнить, перебивать меня нельзя. Никогда. На первый раз, по незнанию, Максиму проступок прощается. Вы ведь все в школе учились? Вот и славно, будем как в школе, хочется спросить – поднимаем руку и ждем разрешения. Иначе – нарушитель будет наказан.

В этот момент в шатер вошли девять крепких парней, у каждого в руках шокер, дубинка на поясе полувоенных брюк, короткая камуфляжная куртка, на головах маски-балаклавы, из-под которых грозно смотрят совершенно не дружелюбные глаза.

– Кстати, нет худа без добра. Вы, Максим, меня к системе наказаний подвели. Я и не знал, как в такой теплой и дружной компании к столь не вкусному пункту подойти. Итак, организаторы игры – люди совершенно добрые и душевные, поэтому каждому из игроков дается целых десять возможностей ошибиться перед тем, как ошибка станет фатальной.

Один из камуфлированных мужчин передал Станиславу большой секатор, или как там называется этот садовый инструмент для резки сучков.

– Ну что, кто уже догадался, почему каждому дается право на десять ошибок? Поднимите палец! – Станислав заразительно, чисто, очень весело засмеялся. – Помните, у Островского, про «мизинца вашего не стоит»? А вот мы цену на мизинец придумали. Миллион. И вообще, любое нарушение будет вам стоить пальчика или миллиончика. Ха ха. Ну друзья, ну не будьте вы такими скучными, улыбнитесь, ведь никто вас сюда силком не тащил. У каждого был выбор, каждый мог отказаться от участия. Ну потеряли бы чуть-чуть, так это же дело наживное. И вообще, организаторы же не звери, право слово, вы вольны вообще в любой момент покинуть игру, вот прям хоть сейчас. Конечно заклад вы потеряете, мы свое слово держим, не китайцы какие, чтобы триста предупреждений делать, но заклад же, повторюсь – дело наживное, сделали раз, сделаете снова. – Я заметил, как при этих словах, так и не представившаяся женщина прижала руки к груди и очень сильно, до синевы сжала губы. Это заметил и Стас. – Да, да, Светочка, наживное. Ведь ваш детородный возраст еще не вышел, так что родить нового ребенка вам вполне под силу. Или вы скажете, что ваш Мишенька какой-то избранный? Может он гений, вундеркинд, талантище? Ну ведь нет, посредственность. Вы таких еще с пол дюжины нарожать успеете.

Женщина пошатнулась, но быстро взяла себя в руки. Посмотрела на часы, что-то прикинула в уме и повернулась к выходу.

– Я ухожу. Пошли вы все! Организаторы, игра, идите все в жопу!

– Светлана Сергеевна, это ваше окончательное решение? – Станислав вскинул руку, жестом заставляя охранников стоять на месте. – Больше я спрашивать не стану.

Женщина остановилась, оглянулась на распорядителя.

– Стасик, ты хоть понимаешь, с кем ты связался? От тебя же даже мокрого места не останется. И от тебя, и от твоих боссов. Приятно оставаться, – женщина окинула взглядом всех присутствующих, – а я передумала, я еду домой.

Женщина сделала еще один шаг к выходу из палатки. Никто из охранников даже не попытался ее остановить. Только Станислав, что-то потыкав в своем телефоне, крикнул ей в след:

– Светлана Сергеевна, ну постойте, голубушка. Ну вы же должны понимать, что у нас серьезная компания. Мы не менее серьезны, чем ваш папа-генерал и муж глава департамента. Вы вольны покинуть игру в любой момент, это ваше законное право. Только давайте все оформим как надо. Подойдите, пожалуйста, вот сюда взгляните, это будет выполнением обязательств с каждой стороны.

Женщина остановилась, как бы в раздумье помотала головой, потом все же развернулась и подошла к Станиславу. Он показал ей свой телефон. Судя по раздавшимся звукам, распорядитель показывал ей какое-то видео. Неожиданно женщина в шоке открыла рот, как будто хотела что-то крикнуть, но тут же прикрыла его обеими руками. Раздался выстрел, потом еще один. Колени женщины подломились и она рухнула на траву. Двое камуфлированных подхватили ее под руки и выволокли из палатки. На траве осталась лежать ярко желтая туфелька.

– Ну вот, вас осталось семеро. Светлана Сергеевна реализовала свое право покинуть игру, ее заклад принят организаторами.

Процесс принятия неизбежного может занять секунды, а может длиться годами. Любое изменение – это стресс, причем как ни странно, и плохие новости, и хорошие – воспринимаются нами одинаково. Если замерить параметры работы вашего организма при известии о том, что ваш дом сгорел и при новости о выигрыше миллиона долларов – медицинские показатели будут примерно одинаковы. Просто в одном случае принятие может происходить очень долго, с остановками на всех стадиях, а в другом быстро, вы промчитесь по всем остановкам словно на скоростном экспрессе.

Всего в процессе принятия мы проходим пять шагов. Отрицание. Помните, главный герой склонился над телом убитого друга и кричит «нееееет»! Даже человек, выигравший в

лотерею вполне естественно выпучивает глаза, прикладывает руку к лицу и радостно шепчет «нет»! Следующие стадии гнев, торг, депрессия и принятие. В зависимости от ситуации эти станции ваш поезд может быстро проскочить, а может на них и застрять. Но все они будут на вашем маршруте.

Я окинул взглядом стоящих людей. Никто не дернулся, не приложил руку ко рту, даже не побледнел и не выдохнул. Значит, такие аргументы для них – не шок, не взрывная новость. Получается, только меня экономикой простимулировали? У других участников плата за отказ много выше? Я пролетел все пять стадий принятия новых данных за несколько мгновений. Причем на станции гнева я задержался подольше. У меня нет гипертрофированного чувства справедливости, я не супер герой и не мессия. Но я искренне верю, что люди, даже просто угрожающие матери убийством ее ребенка, не должны просто так ходить, дышать, есть и пить. Они могут это все делать, но только в очень маленьком, закрытом и охраняемом заведении. Без права на досрочное освобождение. А тут… Я новыми глазами посмотрел на Станислава. Похоже, я недооценил тот омут, в который нырнул. Вариант выхода из Игры, который пришел мне на ум на станции «Торг», я очень быстро отверг. Во-первых, я действительно люблю свой «Максим», тут я даже могу провести параллель с ребенком. А во-вторых, мой рептильный мозг, доставшийся мне в наследство от сотни тысяч поколений предков, всегда выдает лишь одну реакцию на угрозу – уничтожить.

Тем временем распорядитель вышел в центр шатра, встал спиной к столбу, по сторонам выстроились семеро охранников.

– Итак, если с правами участников мы определились, можно к сути переходить. Хотя, вы тут все ведь умные, верно? Вам всегда до первоисточника, до самого начала нужно докопаться. Поэтому начну с начала. – Станислав картинно склонил голову в полупоклоне. – Была тьма и создал Бог свет. А при свете ведь и работается легче, верно? И создал Господь землю, людей и животных, ну и все остальное, за семь дней. Все мы созданы по Его образу и подобию. Творцу хватило семь дней на создание земли, вот и вы, его дети, за семь дней должны справиться. Так что запоминайте, времени у вас чуть меньше 170 часов. А, еще забыл. На восьмой день Господь увидел, что созданный им мир очень сложный, где-то не пойми что, растет, кто-то не пойми что ест. И понял он, что без правил этот мир не выживет, и запретил он всем и все. В общем, переходим к правилам.

Пара стоящих возле Станислава бойцов демонстративно нажали кнопки шокеров и шатер наполнился противным электрическим треском. Странно, если у всех участников такие серьезные причины участвовать, то зачем тут бойцы? Хотя, вероятно организаторы беспокоятся не о том, что кто-то из нас в последний момент сбежит, а о том, что мы покалечим распорядителя. Кххм, значит правила, которые нам будут озвучивать, мне не понравятся…

Тем временем Станислав продолжал:

– Перейдем к сути. Правила игры. Рекомендую слушать очень внимательно. Потому что, – усмешка и шутовской поклон, – повторять правила я права не имею.

Длинная, несмотря на улыбающегося распорядителя, очень тяжелая пауза. Все глаза прикованы к Станиславу. Только не представившийся молодой, чуть за тридцать, мужик, холеный, в тонких стальных очках, дизайнерских подранных джинсах и черной толстовке, стоит и разглядывает маникюр на руках. Кто ты? Мне, почему-то, пришла в голову мысль о статистах, актерах, вплетенных в игру. Хотя. Был бы ты засланным, ты бы первым энтузиазм и внимание отображал. Значит такой же участник. Судя по лицу, по сложенным в тонкую ниточку губам, человек жесткий. А вот множество морщинок вокруг глаз подразумевают веселый характер. Мне нравится этот мужик. Пока что, чисто на уровне первого впечатления, я хочу взять в свою команду его и Наталью.

Тем временем распорядитель продолжал:

– Сейчас вам всем наденут часы. Конечно это не только часы. Это еще и GPS трекер, пульсометр ну и так далее и тому подобное, сами представляете.

Семеро охранников подошли к каждому участнику и надели на левую руку пластиковые часы, размером с «G-Shock» от Кассио. Причем, замка на ремешке не было, я попробовал растянуть браслет и снять часы, но все еще не отошедший охранник помотал головой и тихо произнес: «Не снимаются».

Странность произошедшего кольнула мое сознание. Что-то было неправильное в этой мизансцене. Охранники не переглядывались, в их действиях не было никакой несогласованности, наоборот, каждый четко прошел к одному из нас. Нас заранее распределили. Странно…

Станислав, дождавшись, когда к нему вернутся все камуфляжи, продолжил:

– Вам предстоит разделиться на две команды. Команды будут встречаться ежедневно, один раз в день, в течении, как я уже говорил, недели. Адреса наших встреч будут присылаться вам на смарт часы. На встрече должны присутствовать все члены команды, оставшиеся в живых. При отсутствии на встрече живого участника команды – все члены команды будут наказаны. – Взгляд на секатор, который он все еще держал в руке. – На встрече команда должна дать однозначный ответ, сотрудничаете вы с нами, с организаторами, или нет. Решение команды должно быть единогласным. Согласовывать свое решение с другой командой на встрече запрещается. При отсутствии единогласного решения все члены команды будут наказаны. Система баллов: если обе команды выбирают сотрудничество – обе команды получают по одному баллу. Если обе команды выбирают отказ от сотрудничества – обе команды получают по минус одному баллу. Если одна из команд выбирает сотрудничество, а другая отказывается – выбравшие сотрудничество получают минус балл, а Мальчиши-кибальчиши, отказавшиеся сотрудничать с властями – получают плюс балл. По итогам игры, все члены команды, набравшей отрицательное количество баллов, будут наказаны. Цель игры – набрать максимально возможное количество баллов. В ходе ежедневных встреч возможен переход из команды в команду, но только при единогласном согласии принимающей стороны. Если у вас есть вопросы – задавайте, мы ответим не более, чем на три.

Я всерьез рассматривал возможность схватить нож с сервированного стола и прирезать Станислава. Удалось бы успеть, до того, как охранники схватят шокеры или дубинки? Или оставить это до начала банкета? Судя по накрытым столам, банкет состоится, и, если Станислав и правда «распорядитель», он не ограничится изучением нас по профайлам, он обязательно останется в палатке «пообщаться». Хотя, вот это вот постоянное «мы» в его речи. Не «я», а именно педалируемое в его речи «мы». Вероятно, я всего лишь сменю ведущего, а вот игру не остановлю. Мои размышления прервал спортивный костюм:

– Это что, заказ Сколково? Или вы кадровый резерв правительства формируете?

Что ж ты творишь, я крепко выругался в мыслях, на что вопросы тратишь? Я даже дернулся в его сторону.

– Это не заказ из Сколково и правительство не имеет к нашей встречи никакого отношения. У вас остался один вопрос.

– Что значит «оставшиеся в живых члены команды»? Мы можем погибнуть? – Ольга говорила спокойно, но руки сцеплены в замок так, что пальцы стали холодно-голубыми.

Отлично, ну, сам виноват. Зато теперь знаю, что спортивный и антикризисница – сначала делают, потом думают.

– «Оставшийся в живых член команды» означает человека, оставшегося в живых на момент встречи с другой командой. Мы ответили на три вопроса, больше на вопросы мы не ответим. Предлагаем вам разделиться на две команды. На это вам дается тридцать минут. Команда номер один должна занять сектор комнаты, отмеченный единицей, команда номер два должна занять второй сектор, отмеченный двойкой. Участники, не примкнувшие к одной из команд по истечении тридцати минут – будут наказаны.

Глава 8

– Участники, не примкнувшие к одной из команд по истечении тридцати минут – будут наказаны. – Станислав вновь посмотрел на секатор. – Но есть и хорошая новость. Организаторы вас искренне любят и понимают, что вы homo urbanus, совершенно городские жители, неженки, не способные выжить в дикой природе. Поэтому всю неделю вы проведете в городе! По этой же причине советую не пренебрегать женщинами в своей группе, не отказывайте нашим леди в членстве в команде. Грубая физическая сила в вашем испытании возможно даже меньше пригодится, чем женская красота. А дамы у нас красивые, возможно они даже сумеют вас как-то прокормить. Ха ха. Ну а теперь, за работу, делимся господа, выбираем угол! Да, чуть было не забыл вас порадовать. Вы, небось, уже подумали фу, что за скука, встречаться раз в день, а все остальное время что же? Где развлечение, аниматоры, где вообще азарт? Спешу успокоить, дорогие мои, аниматоров у вас будет множество, пятнадцать тысяч аниматоров у вас будет, вот сколько. А что касается азарта, то мы, организаторы, верим, что никто лучше вас самих вас не развлечет. Потому дважды в день для вас будут организованы мини игры, эдакие игры в игре, ха ха. Ну не буду забегать вперед, делитесь, дорогие мои, делитесь на команды.

Я подумал о том, что есть в словах распорядителя нечто неуловимо знакомое. Когда он рассказывал правила игры, у меня возникло стойкое ощущение дежавю. Такое ощущение, что я где-то что-то подобное уже слышал. И я принял решение. Именно в тот момент я сделал шаг в неверном направлении, если бы я докрутил мысль, в целом бы ничего не изменилось конечно, но все же стало бы чуть проще. Но я лишь поставил в голове флажок на то, что нужно поработать с этой мыслью и решил, что сейчас я об этом не буду думать, есть более важная задача. Мне нужно сделать то, что в ближайшие семь дней сильно облегчит мою жизнь. Мне нужно собрать команду. А для этого мне нужно как-то повысить свою ценность. Поэтому я решил всех обмануть. Никогда нельзя обманывать себя. С собой нужно всегда быть предельно честным. А вот чуть соврать окружающим…

– Я знаю, как выиграть. – Тихо, но отчетливо говорю я.

Это не рекламный крик уличного торговца мороженным. Это простая констатация факта, известного мне, которым я поделился с окружающими. Потом, позже, вспоминая этот момент, я в очередной раз подумал о том, что мне стоит больше доверять своей интуиции. Ведь я действительно знал, как мы все можем выиграть. И если бы игра заключалась в озвученных правилах…

Я перешел в правый угол, к цифре два. Застолбить двойку – это первое, что мне нужно. Особо агрессивные альфа самцы будут бороться за цифру один, она у них в мозжечке, а именно он ими управляет, ассоциируется с призовым, первым местом. А я и со второго готов стартовать.

– Я капитан этой команды. Я не потерплю не подчинения. Наказывать буду физически и очень больно. – Если решения внутри команды должны приниматься единогласно, то мне альтернативные моему решения совершенно не нужны, при обсуждении послушаю, но приму или нет, решать буду только я. – Все решения я принимаю сам. Советоваться буду. Но принимать решения буду сам.

Так, нас семеро, пополам все равно не делится. Приемлемый вариант, если у меня в команде будет Наталья-знаток вина и молодой мужчина, я так и не узнал его имя. Вспомнил слова Мюллера: «Я люблю молчунов, если друг молчун – так это друг, если враг – так это враг». Хотя и риск тут высок, судя по тому, что мужик не повторил действие, которое сделали все присутствующие, не представился (спортивный тоже не назвал имя, но он все же вступил

в диалог), это говорит о его высокой самооценке и независимости. Нужен мне такой, себе на уме, член команды?

Спортивный костюм медленно, вразвалочку, подошел к моему прямоугольнику и носком кроссовка попробовал стереть линию с травы. Ну вот, снова этот альфа-лидер решил показать всем, кто тут настоящий вожак. Я конечно на это рассчитывал, но все же уверен не был. Именно он, по моим прикидкам, должен был принять на себя мои слова о капитанстве. Есть такие люди. Ну кто тебе мешает взять первый прямоугольник и организовывать там свое королевство. Нет. Ему нужно именно то, что кто-то уже взял. Но я все же верю в лучшее в человеке, поэтому дам ему шанс.

– Ты не будешь в моей команде. Мы не уживемся, – а теперь заложим фундамент будущего сотрудничества, вдруг он мне еще понадобится, поэтому давай дружок, подставляй ушко, сейчас я тебя за ним ласково чесать стану. – Ты, не знаю твоего имени, прирожденный лидер, по тебе видно, что ты умный и опасный человек, если мы будем в одной команде – начнем конфликтовать. Тебе лучше быть капитаном первой группы, мы сумеем договориться. – Спокойный взгляд глаза в глаза, говорю тихо, так, чтобы мои слова были слышны только ему.

А вот он напротив, отвечает громко, явно работая на публику.

– О, как удачно. Мне как раз подтереться было нечем, а тут ты, со своим мнением. – Говоря это мужик вошел в прямоугольник. – Кто еще ко мне, во вторую команду? – Обращяется спортивный костюм к пятерке участников.

Отлично, он очень удачно стоит. Своим корпусом он прикрывает меня от игроков, а вот распорядитель и камуфляжи будут видеть все мои действия. Двух зайцев одним ударом.

– Ты слышал правила этого прямоугольника. Решения тут принимаю я. Уйди.

– Или что? – Ухмылка, корпус чуть повернут левым плечом вперед, но ноги стоят ровно, руки на уровне живота, еще не в кулаках, но пальцы напряжены. Правша, вероятно боксер или просто не умеет работать ногами. Прости, спортивный, но мне и правда необходимо с первых минут провести демонстрацию.

– Я считаю до трех. Раз. – Я говорил спокойно, стоял ровно, дышал размеренно. Ничто не показывает моих реальных планов.

Я никогда не был бойцом. Пол дюжины школьных драк, проводимых за тиром по «пацанским правилам» не в счет. Я пробовал заниматься боевыми искусствами. Айкидо, самбо, кикбоксинг, грэпплинг. Пробовал до тех пор, пока один из моих тренеров не сказал мне предельно откровенно, что толку от таких занятий будет мало. Лучше регулярно заниматься фитнесом и силовыми тренировками. А вот для того, чтобы суметь постоять за себя в тот момент, когда рядом нет охраны, для этого нужно выучить дюжину ударов, подсечек и захватов. Но выучить из так, чтобы в нужной ситуации тело сработало на автомате, не задумываясь, инстинктивно, не ожидая команды мозга. Я умный, поэтому я умею слушать советы. А через полгода таких занятий, когда я уже четко знал «как» бить, давить, дергать или толкать, вот тогда я пригласил на занятия врача. И за следующие полгода доктор научил меня «куда» нужно бить, тыкать или толкать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.